

ВВЕРХ по Причуды и ОБРАТНО В.В.

Дэ́нис Уоткинс-Питчфорд

**Вверх по Причуди и
обратно. Удивительные
приключения трех гномов**

«Добрая книга»

1942

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4)

Уоткинс-Питчфорд Д. Д.

Вверх по Причуди и обратно. Удивительные приключения трех гномов / Д. Д. Уоткинс-Питчфорд — «Добрая книга», 1942

ISBN 978-5-98124-721-7

С наступлением весны гномы, живущие на берегу ручья Причудь, решают отправиться в путешествие, чтобы найти своего друга, ушедшего в верховья ручья на поиски его истока. Впереди их ждут неизведанные земли, захватывающие приключения и удивительные открытия. Гномы пройдут опасные водовороты и страшный Вороний лес, сразятся с великаном Громобоем, окажутся на необитаемом острове и обретут множество новых друзей. Но найдут ли они своего пропавшего друга и удастся ли им вернуться домой? Эта эпическая сказочная сага была удостоена медали Карнеги, старейшей и самой престижной награды за лучшее литературное произведение для детей, и стала классикой детской литературы; она впервые публикуется в переводе на русский язык.

УДК 821.111-34-93

ББК 84(4)

ISBN 978-5-98124-721-7

© Уоткинс-Питчфорд Д. Д., 1942

© Добрая книга, 1942

Содержание

Предисловие	6
Вверх по Причуди и обратно	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дэнис Уоткинс-Питчфорд
Вверх по Причуди и обратно.
Удивительные приключения трех гномов

© The Estate of D. J. Watkins-Pitchford, 1942 – текст, иллюстрации.

© Oxford University Press, 2013 – иллюстрации на обложке.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2018 – перевод на русский язык,
издание на русском языке.

Предисловие

Это история о последних гномах Британии. Это всамделишные гномы, а вовсе не сусальные коротышки из сказок, и живут они охотой и рыбалкой, подобно зверям и птицам, как им и приличествует.

Эта история – рассказ об их путешествии по ручью Причудь, на берегах которого они обитают, и о поисках Морбóшика, их пропавшего друга, много месяцев назад ушедшего в верховья Причуди и так и не вернувшегося обратно. Вы, может, и не верите в существование маленького народца¹, но это всё потому, что большинство сказок изображают гномов и эльфов маленькими человечками в смешных колпаках или с блестящими крылышками, вытворяющими всяческие невероятные фокусы с цветами и паутиной. Такие выдумки для кого-то, может, и годятся, но только не для нас с вами.

Если вы не верите в существование маленького народца, я советую вам стать как можно меньше (хотя это ужасно сложно), вести себя очень тихо (что ещё сложнее), притаиться на берегу какого-нибудь ручья или в лесной чаще и внимательно смотреть по сторонам, как это делал я. И тогда в какой-то момент вы вдруг поймёте, что птицы и дикие звери *и есть* маленький народец! Такова простая истина, однако же мы никогда об этом не думали!

Есть духи вод, такие как трясогузки и зимородки, тростниковые камышовки, овсянки, водяные крысы и перепончатопалые тенрёки. Есть и гоблины! Присмотритесь к лесной мышке, снующей в опавшей листве, к ежу, охотящемуся в сумерках, к белкам, прыгающим с ветки на ветку. Существуют гоблины с крыльями – ночные гоблины, такие как козодои и совы, довольно устрашающего вида. А в больших лесах водятся тролли – осторожные и неуклюжие барсуки, которые вылезают из своих нор только по ночам и попадают на глаза лишь очень немногим людям.

И – увы! – существуют и великаны. Но вы должны прочитать эту книгу, чтобы понять, кто это такие.

Мои гномы немногим отличаются (в обычном представлении) от обитавших в лесах дикарей. Они живут рядом со зверями и птицами и не могут уходить далеко от воды. Дети тоже инстинктивно тянутся к воде, и по той же причине Ирландия стала последним оплотом маленького народца – это малонаселённая страна с влажным климатом, а гномы больше всего любят такие места, где безлюдно и влажно.

Рассказывая эту историю, я должен попросить читателя проявить снисходительность к одной детали моего полёта фантазии. Я счёл необходимым наделить своих гномов и животных даром речи. Поскольку эта книга адресована юным читателям, они, без сомнения, простят меня, ведь благодаря этому моя история становится интереснее. В прочих отношениях она редко выходит за пределы возможного. Уорикшир – одно из последних английских графств, где можно повстречать эльфа или гнома; наверняка Уильям Шекспир знал об этом, когда работал над своей пьесой «Сон в летнюю ночь».

Автор
1942

---

¹ В британском фольклоре и фольклоре многих стран континентальной Европы маленьким народцем называют всех маленьких волшебных существ – гномов, эльфов, фей, гоблинов, брауни, кобольдов, домовых и др. – *Прим. ред.*

Вверх по Причуди и обратно

Посвящается Беверли Энн

Чудо жизни, её удивительная красота и сила, её формы, цвета, свет и тени – вот что я вижу. Взгляни и ты, покуда длится жизнь.

Глава 1

Тысячелист, Мёум², Вьюнок и другие

Это был один из тех дней на исходе зимы, когда весна каким-то едва уловимым образом заявляла о своём присутствии. Кусты по-прежнему стояли тёмными и колючими, поля оставались белёсыми и голыми, по ним разгуливали стаи бранящихся скворцов; но не было никакого сомнения, что на ближайшие семь месяцев с зимой, в сущности, покончено. Вот-вот должен был начаться великий прилив жизненных сил природы, которые поначалу робко пробивались то тут, то там, а затем прибывали и прибывали, чтобы в середине лета этот прилив достиг своего пика в великолепном половодье – буйстве жизни.

Представьте себе: вся эта сила жизни, все эти миллионы листьев, все эти сантиметры новых побегов, на которые скоро удлинятся кусты, деревья и цветы, – всё это нынче таилось под землёй, и никто даже не догадывался об этом.

Утро было тихим и пасмурным, но потом солнце стало понемногу пробиваться сквозь тучи, и на лугах фермера Счастливи́киса дрозды начали выводить трели и распеваться: это были первые такты великой симфонии во славу Жизни.

Каждая тоненькая веточка на ивовом кусте, который рос на берегу Причуди, покрылась серебристыми почками, а по шершавой серой коре наклонившегося дуба на другой стороне заводи ползали три сонные мухи, радуясь теплу и солнечному свету.

В этом месте, по причине, известной только ему одному, ручей Причудь поворачивал под прямым углом.

Под дубом вода подмыла песчаный берег, обнажив массивные корни дерева, похожие на переплетающиеся канаты. Солнце освещало крутой склон, но нависавшие над берегом корни отбрасывали тень, и под ними было совсем темно.

Возле кромки искрящейся воды располагалась маленькая отмель с разноцветной галькой и белым песком; блики света, отражавшегося от водной глади ручья, играли на коре дуба и гасли, едва проходящее облако заслоняло солнце.

Зима выдалась сухой и малоснежной, поэтому вода в ручье была чиста и прозрачна; конечно, она стояла выше, чем летом, но без какого-либо намёка на муть от паводка. Вода была такой чистой, что, стоя на отмели, можно было разглядеть на дне ручья каждый камушек, хотя в более глубоких местах дно скрывалось в коричневатых потёмках, и вода приобретала цвет зрелого эля.

Вдоль берега рос тростник; за зиму он изрядно побелел, но, взглянув на него пристальнее, можно было заметить на омертвевших стеблях остроконечные зелёные побеги, только что пробившиеся на свет. Впоследствии этот тростник превращался в густые зелёные заросли, и его сочные острые листья прижимались друг к другу так плотно, что протиснуться между ними было под силу лишь водяной крысе. На противоположном берегу находился отлогий спуск к воде; сюда приходил на водопой скот фермера Счастливи́киса. Его коровы взрыхлили копытами почву на берегу, превратив её в ужасное месиво, а трава выше по ручью была довольно сильно вытоптана. Но в самом ручье грязи было мало, так как дно устилали песок и галька. Если ленивые животные достаточно долго стояли в ручье, всё, что налипало на их копыта, довольно быстро смывалось течением.

---

² Имена гномов – героев этой книги произошли от названий различных растений. Меум обыкновенный (или меум атамановый) – хорошо известное в старину лекарственное растение, очень похожее на фенхель, благодаря своему аромату использовавшееся также для приготовления супов и рагу. В Шотландии меум издревле выращивался с целью употребления в пищу как корнеплод; в Германии известен как «медвежье сусло» (Bärwurz) и используется для приготовления одноименного баварского шнапса. – *Прим. ред.*

В тени под корнями дуба что-то зашевелилось. Сперва можно было подумать, что это водяная крыса или мышь; но потом, если бы вы замерли на месте и ждали достаточно долго (ведь маленький народец обычно чувствует приближение человека), вам посчастливилось бы увидеть Мёума. Он осторожно выглянул из-за корня, озираясь по сторонам и прислушиваясь.

Выше по течению ручья, в серебристом ивняке, вертелась синичка, маленькая красивая пичужка, оперение которой местами было окрашено в такой же цвет небесной лазури, как и лоскут чистого весеннего неба над ней.

– Синь-сини, синь-сини, синь-сини! – пела она.

Для Мёума эта песенка означала: «Всё спокойно». Маленький человечек, словно мышь, выбежал на разноцветную галечную отмель.

Вы должны знать, что Мёум и его собратья были (насколько мне известно) последними гномами, оставшимися в Англии. Это удивительно, но Мёум был очень похож на гномов из сказок, вплоть до остроконечной кожаной шляпы-колпака и длинной бороды. На нём были короткая курточка и жилет из мышьиной кожи, пояс из полоски змеиной кожи, бриджи из кротовой кожи, подвязанные ниже коленей, а вот туфель и чулок он не носил. В них не было надобности, ведь гномы – волосатый народец; летом они порой и вовсе обходятся без одежды. Их тела, в отличие от наших, покрыты густыми волосами до самых пят; что же до туфель, то могу сказать одно: если бы вы с самого рождения не носили никакой обуви, то они бы и вам не понадобились. На поясе у гнома висел охотничий нож из кованого железа, сделанный из обломка дверной петли, который он нашёл в ручье.

Синичка-лазоревка по прозвищу Синепуговка вспорхнула на нижнюю ветку ивы, нависавшую над заводью, и стала наблюдать за гномом, тараща на него свои глаза-бусинки.

– А, Синепуговка! Рад тебя видеть. Как прошла зима?

– Так себе, – грустно ответила синичка, усевшись на ветке среди мягких ивовых почек.

Прежде чем продолжить, должен сказать вам, что, конечно, звери и птицы не говорили с гномами на нашем языке. Они говорили на своём наречии, которое гномы понимали. Разумеется, в этой книге я переложил их разговоры на наш язык, иначе вы бы не разобрали, о чём они толкуют.

– А твой муж, Синепуговка, как он?

Синица опустила голову и ничего не ответила.

– Ох, мне так жаль, Синепуговка, так жаль, – посочувствовал Мёум. – Я знаю, зима была ужасной, одной из самых тяжёлых за всё время, что мы живём у ручья... Бедная, бедная Синепуговка. Но не печалься, – добавил он, – снова пришла весна... Подумай только: теперь еды будет вдоволь, больше никаких морозов и... и... тебе следует найти себе нового мужа. Ведь у тебя остались детки.

Но Синепуговка была безутешна и так сильно удручена горем, что не могла больше оставаться с гномом и улетела.

Мёум уселся на солнышке. Галька была тёплой, а жилет из мышьиной кожи надоел гному, поэтому Мёум снял и повесил его на старый сухой стебель кокобыша, который рос на берегу поблизости.

Маленькое красное лицо гнома, цвета старой ягоды шиповника, было сморщенным и покрытым складками, словно обезьянья ладонь. Его борода была почти седой и свисала едва ли не до пояса. Крошечные ладони с грязными ногтями напоминали лапки крота, хотя и были меньше. Руки у гномов весьма длинные для их роста, они выглядят длиннее по сравнению с туловищем, чем у людей. У Мёума были длинные заострённые уши, покрытые серебристыми волосками. Посидев на камнях пару минут, он вполборота развернулся к корням дуба.

– Эй, вы! Тут, на солнышке, так чудесно... Просыпайтесь, снова пришла весна!

Тут же появились ещё два гнома; один, Тысячелист, протирал глаза, а второй, Выюнок, щурился на ярком солнце. Тысячелист, самый младший, был пониже Мёума и носил такую

же курточку из мышинной кожи и бриджи из кожи крота, но у него не было бороды, что очень необычно для гнома. По какой-то никому не понятной причине (говоря «никому», я имею в виду не людей вроде нас с вами, а зверей, птиц и вообще всех, кто обитает на берегах ручья) у Тысячелиста никогда не было никакой растительности на лице. И не потому, что он брился, – ни одному гному это даже в голову не придёт, ведь борода согревает в зимнюю стужу. Как я уже сказал, никто не знал, почему у Тысячелиста никогда не было бороды, даже он сам. Но его круглое маленькое лицо было таким же красным и морщинистым, как и у Меума, и в каком-то смысле он выглядел старше, потому что потерял почти все зубы, а делать искусственные вставные зубы гномы не умеют.

Вьюнок, самый старший и самый мудрый из троих гномов, был ниже всех ростом и прихрамывал – из-за своей деревянной ноги. Это было очень хитроумное приспособление: Вьюнок взял чашечку жёлудя, куда прекрасно входила культя, проделал в ней отверстие, а в это отверстие вставил и надёжно закрепил прочную ветку боярышника. Однако нога постоянно изнашивалась, и летом бедному Вьюнку каждый месяц приходилось делать себе новую. Борода у него была – просто загляденье: она опускалась ниже пояса, почти до коленей, и оставалась бы белоснежной, если бы гном не окрашивал её отваром из кожуры грецких орехов, ведь белая борода привлекает внимание, а это никуда не годилось. Гномы всегда были скрытными, а в наши дни скрытность стала для них особенно важна, ведь если бы люди обнаружили гнома, спокойной жизни маленького народца пришёл бы конец. Как эти маленькие человечки вообще дожили до наших дней, остаётся загадкой, потому что, хотя они и обитали в деревенской глуши, безлюдными эти места не были, – настолько безлюдными, насколько безлюдными являются некоторые области Девона и Корнуолла³, а ведь там, насколько я знаю, уже не осталось ни одного гнома, хотя, полагаю, их всё ещё можно найти в некоторых районах Ирландии.

Вероятно, причина заключается в том, что ни одному здравомыслящему человеку (как и подавляющему большинству безрассудных людей) не пришло бы в голову искать гномов в Уорикшире – графстве, вдоль и поперёк изрезанном дорогами и железнодорожными путями, с множеством городов и посёлков.

В отличие от двух своих братьев, Вьюнок носил плащ и бриджи из кожи летучей мыши, причём мышинные уши на шкурке остались нетронутыми, и из этой части шкурки был сшит капюшон. В холодную погоду Вьюнок натягивал капюшон на голову и становился очень похож на забавную вытянутую летучую мышь без крыльев. Он утверждал, что кожа летучей мыши гораздо мягче, чем мышинная, и совсем не сковывает движений.

Едва присоединившись к Тысячелисту и Меуму, Вьюнок тут же сел, снял деревянную ногу и положил её на гальку.

– Мне нужно сделать новую ногу, Меум, – сказал он озабоченно. – Эта деревяшка изнашивается, и мне понадобится другая, ведь приближается весна. Хотел бы я найти что-нибудь более подходящее.

Меум взял деревянную ногу и осмотрел её нижнюю часть, поглаживая бороду и так сильно наморщив и без того сморщенный лоб и сдвинув брови, что его глаза почти исчезли в складках кожи.

– Думаю, мы могли бы найти что-нибудь получше. Я спрошу Короля рыбаков⁴.

---

³ Графства на крайнем западе Юго-Западной Англии, расположенные на полуострове Корнуолл. – *Прим. ред.*

⁴ * Намёк на название птицы в английском языке (kingfisher), составленное из слов king (король) и fisher (рыбак) и отражающее охотничьи повадки зимородка, который и в самом деле превосходно умеет ловить рыбу. Зимородок караулит добычу, сидя в засаде на ветке над водой; выбрав жертву (обычно это какая-нибудь мелкая рыбёшка, реже – пресноводная креветка, лягушка или водное насекомое), зимородок ныряет в воду и хватает добычу клювом; он может взлетать с добычей прямо из под воды. В день зимородок съедает 10–12 рыбок. – *Прим. ред.*

Как раз в это мгновение, словно ответ на мольбу, над изгибом ручья мелькнуло синее пятно, и прямо над головами гномов на ветку дуба, рядом с пятью круглыми чернильными орешками⁵, присел отдохнуть зимородок.

Великолепная птица поглядывала вниз, склонив голову набок, и время от времени резко дёрнула головой вверх и вниз, пытаясь что-то проглотить.

– Наше почтение, ваше величество, – вежливо обратился Меум к зимородку (в подобных ситуациях он часто говорил от имени всех гномов). – Вас-то мы и желали увидеть. Тут братцу Вьюнку нужна новая нога из чего-нибудь попрочнее боярышника. Прошу прощения за беспокойство, но не посоветуете ли вы что-нибудь?

Некоторое время Король рыбаков молчал – он не мог ответить, ибо только что проглотил шесть рыбок-кóлюшек, и глотка у него был забита.

Гном вежливо ждал, пока зимородок проглотит свою пищу, и через некоторое время птица наконец заговорила.

– От дерева мало толку, вам нужна кость. Я знаю о костях почти всё, ведь мы строим из них свои гнезда, а чего не знаю, того и знать не нужно.

Гномы молчали; они видели, каковы с давних пор гнёзда зимородков: каждый раз, проходя мимо, гномам приходилось зажимать нос. Зимородки очень нечистоплотны в гнездовании; никогда не перестаёшь удивляться, как эти великолепные, царственные создания могут быть такими грязнулями. А вот почему у зимородков такое прекрасное оперение, самое красивое среди всех птиц Британии, – уже другая история.

– А это идея! – воскликнул Вьюнок. – Я никогда не думал о кости.

– Рыбная кость недостаточно крепка, – продолжал Король рыбаков. – Я буду поглядывать и принесу вам что-нибудь покрепче.

Убаюканные журчанием ручья, все какое-то время сидели молча. Прямо перед излучиной, выше по течению, ручей набегал на камни, гладь воды в этом месте словно собиралась в складки, в которых отражались осколки неба. Там было так мелко, что гномы могли перейти ручей вброд, но сразу за перекатом он становился глубже и плавно нёс свои воды, переходя под корнями дуба в глубоководье тёмно-смоляного цвета.

– Ваше величество, а как нынче рыбалка? – спросил один из гномов.

– Дрянь, хуже некуда, хотя выше Мшистой мельницы получше. Но много ловят мельниковы сыновья – сидят там целыми днями. Один из этих сорванцов пытался вчера попасть в меня камнем из своей рогатки. Я полагаю, вы тоже скоро начнёте рыбачить? Прошу прощения...

Тут Король рыбаков издал довольно неприличный звук, так как его пища ещё не вполне переварилась.

– Да, – ответил Вьюнок, из вежливости сделав вид, что ничего не слышал, – скоро начнём. Прежде мы уже рыбачили на этом месте, и – ваша правда! – гольян и колюшка, кажется, уже не так хорошо ловятся, как бывало раньше. Не знаю, как быть теперь, когда от новой дороги несёт дёгтем. Ужасная гадость, убивает рыбу. И без того было плохо, когда выше Мшистой мельницы овец купали в растворе против паразитов. Когда всё это началось, отравы сгубила нескольких гномов, а было это много кукушечьих лет назад, ещё до рождения вашего величества. Помнишь, Тысячелист?

Но Тысячелист не ответил, тоскливо глядя куда-то в сторону верховий ручья.

---

⁵ Чернильные орешки – вид наростов (так называемых галлов) на ветвях и листьях дуба, образуемых личинками насекомых (орехотворок), которые откладывают в наросты яйца. Орехотворки откладывают яйца в мякоть листа, это вызывает усиленный рост тканей листа, и в результате образуется галл, в котором развивается личинка, превращаясь в итоге во взрослое насекомое. Из-за своей формы и окраски в английском языке эти наросты получили название «дубовых яблок»; чернильными орешками их называют потому, что в старину из них изготавливали чернила для письма. – *Прим. ред.*

– Он думает о бедняге Морóшике, нашем пропавшем друге, – понизив голос, пояснил Меум Королю рыбаков. – Морошик отправился вверх по ручью, чтобы найти Исток Причуди, да так и не вернулся. Много месяцев минуло с тех пор.

Меум вздохнул, а за ним вздохнули и все остальные. Некоторое время были слышны лишь ручей да ветер, гулявший в деревьях.

– А вы когда-нибудь пытались его разыскать? – спросил Король рыбаков, глядя на опечаленных гномов, сидевших под ним на гальке.

– Да, – ответил Меум, – мы ходили вверх по ручью до Мшистой мельницы и деревни Яффа, но не нашли никаких следов. Водяные крысы сказали, что видели Морошика за мельницей, но после того его уже никто не встречал. Отец вашего величества тоже видел, как Морошик шёл через Щавелевый лес, у заливных лугов Счастличикса, но никто больше не смог нам помочь. Отец вашего величества пролетел до самого леса великана Громобоя, но не смог найти нашего друга.

– Возможно, он попался на глаза великану Громобоем, – мрачно заметил Король рыбаков, – великан Громобой живёт в Вороньем лесу уже много лет. Однажды он пытался меня подстрелить, но промахнулся, и теперь я держусь подальше от этого места, хотя рыбалка там отменная.

– А вы бывали ещё дальше, за лесом? – спросил Меум с благоговением в голосе.

– Нет, дальше я не бывал. Говорят, за Вороньим лесом есть большое море и остров, а за ними Причудь сильно сужается, рыбалка там плохая, и чем дальше, тем хуже. Хотя, возможно, однажды я и слетаю туда.

Меум снова вздохнул.

– Хотел бы я иметь крылья как у вашего величества. Тогда я смог бы долететь до Истока Причуди. Наши собраты всегда хотели побывать там, но путь туда слишком долгий и тяжёлый, а ноги у нас слишком короткие.

Солнце спряталось за облаками, поднялся ветер, и по воде пошла рябь. Меум потянулся за жилетом и надел его, а Вьюнок снова прицепил свою деревянную ногу.

– Что ж, мне пора, – сказал Король рыбаков, встряхнувшись, – моя жена рыбачит где-то ниже по течению. Я не забуду о твоей ноге, Вьюнок.

И, взмахнув крыльями, он вспорхнул с ветки и умчался прочь, словно синяя молния, скрывшись за излучиной ручья.

Оставшись одни, три гнома начали собирать на берегу сухие ветки. Когда зайдёт солнце, станет холодно. Потом Меум стал бродить по галечной отмели, надеясь найти кремнёвые камешки, а два других гнома с хворостом в руках ушли в тень, под корни дуба.

По лугу длинной вереницей прошли коровы фермера Счастличикса, направляясь к броду. Они вошли в ручей; из их ртов текла слюна. Коровы равнодушно смотрели на журчавшую воду и пили её большими глотками.

Меум вернулся назад, волоча сухую ветку. Коровы заметили его, но не проявили к гному никакого интереса. Они продолжали пить холодную воду большими глотками; грязь с их огромных ног замутила чистые воды ручья. Коровы много раз видели гномов и не обращали на них внимания, словно это были обычные водяные крысы. Да и с чего бы? Для них все живые существа, обитавшие в дикой природе, были одинаковыми. А маленький народец (то есть гномы и эльфы) тоже был частью природы, как звери и птицы.

Когда коровы вдоволь напились, они постояли в ручье ещё некоторое время, пуская слюни, а потом развернулись, медленно поднялись на берег, побрели на пастбище и стали шумно щипать траву.

Меум втащил ветку под корни дуба. Хотя в ней было всего около полуметра, притащить больше было ему не под силу.

Под корнями была большая площадка с утоптанном песком (во время осенних паводков вода порой подходила к самой двери жилища гномов). Дверь была не более двадцати сантиметров в высоту, но очень толстой. Когда-то она была частью старой мыльницы, которую принесли сюда воды ручья много лет назад, и гномы потратили много недель, чтобы вырезать её карманным ножом, принадлежавшим Морошику. Этот нож Морошик нашёл на Ивовом лугу ниже Мшистой мельницы и забрал с собой, уходя в путешествие. Дверные петли были изготовлены из проволоки, которую гномы сняли с какой-то ограды. В двери проделали дырки, в дырки пропустили проволоку и это хитроумное приспособление закрепили на корне дуба.

Меум поломал ветку на части, как смог, взвалил на плечи получившиеся дрова, открыл дверь и вошёл внутрь, плотно затворив дверь за собой. Прямо перед ним был проход между двумя ответвлениями корней дуба, в который нужно было протиснуться и затем подняться по проходу вверх, чтобы оказаться в самом жилище. Оно была довольно уютным и просторным и представляло собой большую пещеру под корнями дуба, размер которой составлял почти метр в поперечнике. Пол был застелен сухим тростником, собранным возле ручья, а дым от гномьего очага поднимался вверх по своеобразному дымоходу – сквозной полости внутри ствола дерева – и выходил наружу через узкое дупло на самой верхушке дуба.

Если у гномов горел огонь, то над дубом поднималась лишь тонкая прозрачная струйка дыма. Тем не менее, гномы были очень осторожны и разжигали огонь только в ветреные ночи, когда дымок быстро рассеивался и становился совсем незаметным, или в непогоду, когда люди сидят дома. В погожие ночи, когда нет ни малейшего ветерка, даже лёгкое облачко дыма в небе может заметить кто угодно.

Сегодня как раз было ветрено, гномы развели огонь, и красноватые отблески языков пламени танцевали на всей внутренней поверхности ствола дерева. Взглянув вверх, можно было увидеть крошечную точку тусклого света там, где на верхушке ствола находилось дупло.

Тысячелист сидел, положив ногу на ногу, и мастерил из мышиной кости крючки для ловли рыбы. Вьюнок чистил жирного гольяна. Рядом с ним лежали ещё семь мелких рыбёшек. Почистив их, он подвесил рыбу рядом над дымом, чтобы она прокоптилась. Меум аккуратно сложил дрова в поленницу в углу пещеры.

Все они работали молча; каждый занимался своим делом. Вьюнок из-за своей деревянной ноги был главным рыболовом; а ещё он был поваром, и поваром неплохим, как он сам часто говорил. В самом деле, его копчёный гольян и оладьи из муки буковых желудей были *очень* хороши.

После трапезы у огня, которая тоже прошла в полной тишине, гномы легли, забравшись каждый в свой спальный мешок из кротового меха. Они лежали и смотрели на тлеющие красные угольки. Снаружи шумел ветер, и было слышно, как филин Бен снялся с дерева и полетел на охоту. Именно Бен снабжал их шкурками в любых количествах, ведь гномы не убивают теплокровных живых существ, разве что защищаясь; все птицы и звери были их друзьями, за исключением горностаев и лисиц (или лесных собак, как звали лисиц гномы).

Некоторое время гномы лежали, вытянувшись в спальных мешках; никто не проронил ни слова. Их маленькие глазки вспыхивали, словно светлячки, в красном отблеске затухающего огня. Наконец, Меум нарушил тишину.

– Я всё думал о том, что Король рыбаков говорил о путешествии в верховья ручья и о поисках Морошика. А почему бы нам не попробовать? У нас впереди целое лето, и мы можем вернуться обратно до того, как упадёт первый лист. Почему бы нам не отправиться в путешествие?

Никто не ответил; двое других гномов лежали тихо, и Меум уже было решил, что они уснули. Но, посмотрев на своих товарищей, он увидел, что глаза их блестели в сумраке пещеры словно бриллианты.

Глаза Тысячелиста блестели потому, что он беззвучно плакал. Из всех троих его было легче всего растрогать, а Морошик был его лучшим другом. Наконец, Вьюнок заговорил, и заговорил довольно раздражённо.

– Знаешь, Меум, ты такой же непутёвый, как и Морошик, – неугомонный, вечно хочешь покинуть Причуду и отправиться на поиски лучшего места, болтаешь, как и бедный Морошик, об Истоке Причуди. Мы никогда его не найдём и не встретим в верховьях ручья других гномов, которые могли бы нам помочь. Рыбалка здесь плохая, знаю, но у нас по-прежнему достаточно еды, и дуб остаётся нашим хорошим другом. А о моей ноге ты подумал? Я не могу идти с вами. Ладно, – добавил он с обидой в голосе, – оставьте меня, мне всё равно. У меня всё будет в порядке, но если вы не вернётесь назад, как бедняга Морошик, я останусь совсем один, хотя... Думаю, я и сам справлюсь, – Вьюнок шмыгнул носом.

– Нет, мы тебя не оставим, Вьюнок, ты должен отправиться с нами! Верно, Тысячелист?

– Меум, я пойду, если пойдёт Вьюнок. Я давно хотел отправиться вверх по ручью на поиски Морошика, очень давно...

Вновь ненадолго воцарилась тишина; ветер гудел в дымоходе и напевал свою песню в ветвях старого дерева.

Вьюнок рассердился:

– Ерунда! Это сущая глупость, и домой мы никогда не вернёмся. Как мы доберёмся до истока ручья? Да нам даже до Мшистой мельницы надо идти много часов!

– Да, я думал об этом, – сказал Меум, – много думал. Почему бы нам не построить лодку, не рыбацкую, а настоящую лодку с вёслами? (Гномы пользовались кóраклами⁶ – как у индийцев, только на ивовый каркас была натянута лягушачья кожа.)

Вьюнок сердито засопел.

– Неужто ты полагаешь, дорогой мой Меум, что мы сможем на вёслах пройти по Причуди против течения? Да ведь даже с нашими кóраклами мы едва управляемся!

– Я думаю, у нас получится – на *моей* лодке, – заметил Меум. – Я всё продумал. В любом случае мы сможем идти против течения на спокойных участках, а пороги будем обходить по берегу, переноса лодку, как делали дартмурские гномы в старые добрые времена в Краю Бегущих Вод⁷.

– У меня есть идея получше, – вмешался Тысячелист. – Давайте попросим Водокрыса отбуксировать нас через бурные участки. Если он откажется, то, быть может, согласится Выдра.

– Блестящая идея! Выдра и Водокрыс! Отлично! Да они нас до самого Истока Причуди доставят, если мы попросим. Почему нам раньше не пришло это в голову? – мысль о путешествии нравилась Тысячелисту и Меуму всё больше и больше.

Вьюнок фыркнул.

– Что ж, можете отправляться, вы оба, а я останусь и буду продолжать наслаждаться жизнью – ещё хотя бы парочку лет. А вы не забыли о великане Громобое и Вороньем лесе? Вы – глупцы, я не желаю даже думать об этой сумасбродной затее. Можете идти, а я с вами не пойду. Вам-то хорошо, с двумя-то ногами, а у меня всего одна, да и та мне не очень поможет, если придётся убегать от великанов или плыть, если я свалюсь в Причуду.

Гномы продолжали спорить до тех пор, пока не погасли последние угли; наступила полная темнота, и был слышен только шум ветра снаружи. Под конец сморило даже Меума, и в тёмной пещере под старым дубом воцарилась тишина.

---

⁶ Кóракл – небольшая традиционная лодка, используемая в Англии, Ирландии и Шотландии, представлявшая собой каркас из ивовых прутьев, обтянутый кожей. Аналогичные лодки издревле строили и в других странах. – *Прим. пер.*

⁷ Дартмур – местность в графстве Девон в Юго-Западной Англии, где болотистые пустоши перемежаются с плоскими гранитными холмами; именно здесь происходит действие романа Артура Конан Дойля «Собака Баскервильей». На холмах Дартмура берут своё начало многочисленные реки и речушки, впадающие затем в Бристольский залив на севере и пролив Ла-Манш на юге, поэтому гномы называют эту местность Краем Бегущих Вод. – *Прим. ред.*

На остывшем лугу одна за другой улеглись спать коровы, а где-то вдали, за Чертовой рощей, таякала лесная собака (лиса). Через прорехи в рваных облаках поблёскивали звёзды, а под корнями дуба, где пахло дымком и копчёным гольяном, слышен был тихий храп трёх гномов, похожий на гудение эльфийских рожков. Солнце ушло на другую сторону большого круглого мира, и мягкий покров темноты обволакивал теперь всё живое. Не спали только ночные охотники, вроде красных лесных собак, да попрыгуши (так гномы называли зайцев), а что до филина Бена, то он был за самбй Коллинсонской церковью и охотился на свежей пашне.

Глава 2

Лодка спущена на воду

На следующее утро Меум и Тысячелист выяснили, что Выюнок по-прежнему неколебим в своём решении воздержаться от путешествия вверх по ручью, которое казалось ему безрассудством. Вплоть до этого момента три гнома всегда жили в согласии и никогда не разлучались; сейчас же они впервые всерьёз разошлись во мнениях. Выюнок был угрюм и даже отказывался разговаривать со своими товарищами; непривычное уныние охватило всю троицу.

Критикуя предложенный план, Выюнок надеялся, что друзья изменят своё решение. Прежде подобное путешествие обсуждалось много раз, и, как уже бывало, Меум и Тысячелист могли оставить эту затею.

В воздухе запахло весной, стояла солнечная погода, и у гномов было много дел. В пещере нужно было сделать основательную уборку, и для этого маленькие человечки вытащили всю мебель на солнце и сожгли старую тростниковую выстилку. Выюнок прошёлся по всем кладовым и перебрал их содержимое. Сначала он разобрал груды копчёного гольяна, выловленного осенью. Он обнаружил, что у них оставалось ещё сто шестьдесят связок сушёной рыбы, что вместе с прочей рыбой составляло сто восемьдесят связок. Они так и пролежали в кладовой всю зиму, хорошо сохранившись, потому что зимой гномы много не едят – они впадают в спячку в самые холодные месяцы года, как сони. Затем Выюнок пересчитал сушёные грибы; осень выдалась неурожайной, и осталась только связка из тридцати грибов. Что до печенья из желудей, то оно почти всё закончилось. А вот запас пшеничных лепёшек был внушительным; к счастью для гномов, фермеру Счастливику взбрело в голову распахать и засеять пшеницей большой луг ниже Мшистой Мельницы – дело доселе неслыханное. Это было очень кстати, ведь собранные зёрна приходилось нести совсем недалеко, и прошлой осенью гномы, воспользовавшись представившейся возможностью, запасли пшеницы с избытком. Они усердно трудились вплоть до октября, каждую лунную ночь отправляясь на сжатое поле и возвращаясь назад с пшеничными зёрнами, которые тащили в кульках из щавелевых листьев. А что со сладостями? Осталось шесть горшочков дикого мёда; гномы большие охотники до мёду. Груды сушёных лесных ягод, шиповник и боярышник, буковый и лесной орех, дикие яблочки и сушёные ягоды тёрна позволят им продержаться до следующего фруктового сезона. Выюнок был вполне доволен проведённым учётом.

Затем он зашёл в винный погреб. Вино хранилось в раковинах улиток (таких больших, коричневых, которые водятся в садах), закупоренных деревянными пробками. На каждой раковине были сделаны аккуратные надписи с названием и годом урожая; все они располагались рядами за корнем дуба. «Бузина, 1905» (урожайный год), «Тёрн, 1921», «Первоцвет, 1930», «Лютик, 1919» и так далее. Выюнок всё делал обстоятельно, а вино было его особой гордостью; подавали это угощение в очень редких случаях: когда устраивали званые обеды для зверей (на них приглашали друзей), на Хэллоуин или в канун Праздника летнего солнцестояния. Пили вино прямо из раковин – каждая из них вмещала как раз столько, сколько гном мог выпить во время одной трапезы.

После этого Выюнок тщательно осмотрел рыболовные снасти и, выбросив весь перегнивший конский волос, служивший леской, восполнил запасы свежими нитями, которые изготавливал долгими тёмными ночами в ноябре и декабре. У Меума и Тысячелиста накопилось больше дюжины костяных рыболовных крючков, сделанных весьма искусно. После многолетней практики гномы могли изготавливать такие крючки за час или два. Эти крючки, длиной около сантиметра, были чрезвычайно остры, а в цевье находилось узенькое отверстие. Кончик сплетённой из конского волоса нити пропускался через это отверстие и крепко завязывался. Лучший из их крючков был сделан из стали. Выюнок нашёл его во рту гольяна. Очевидно, эта

рыбка попалась на удочку одному из сыновей мельника, но каким-то чудом порвала леску и была такова. Выюнок так дорожил этим крючком, что всегда носил его с собой во внутреннем кармане плаща из кожи летучей мыши.

Тысячелист вытащил на солнце лодки-кораклы и снасти. Он перевернул лодки, обтянутые лягушачьей кожей, днищами вверх, и хорошенько вычистил их. Такие судёнышки легко опрокидывались, но отлично шли по воде и были долговечными – каждое исправно служило гномам несколько сезонов. Спальные мешки из кротового меха были вывернуты мехом наружу и разложены на солнце для просушки, и вскоре вся пещера была вычищена, проветрена и приведена в такое состояние, которое и подобает жилищу, где только что сделали большую весеннюю уборку.

Следующие несколько дней ни один из гномов не возвращался к разговору о путешествии в верховья Причуди – слишком много дел надо было переделать. Но Меум, занимаясь делами, не прекращал планировать путешествие и думать о нём, ведь он твёрдо решил отправиться в путь, и ничто не могло его остановить.

Наконец, наступил апрель. Начались тёплые дожди, на деревьях набухли почки. Вот уже и верхние ветки дуба зазеленели, и целыми днями на них сидели грачи, гнездившиеся за фермой Счастличикса. Они прилетали к дубу за молодыми побегами, отщипывая их с верхних веток мощными клювами, похожими на мотыги.

Жена филина Бена неотлучно сидела в дупле, высиживая три шероховатых яйца – скоро должны были появиться на свет сипящие лысенские птенцы. Хотя совы были гномам хорошими друзьями и снабжали их столь необходимыми шкурками, они изрядно досаждали маленьким человечкам. Крылышки жучков и шелуха то и дело сыпались из совиного дупла вниз по дымоходу и засоряли пещеру гномов; бедный Тысячелист тратил уйму времени на то, чтобы вымести весь этот мусор из пещеры. А когда совята подрастали, их сильные крики не давали гномам спать по ночам. Но в целом совы были полезными соседями, поэтому гномы не жаловались и постепенно привыкли к неудобствам.

Вскарабкавшись вверх по дымоходу внутри дуба, можно было попасть в совиное дупло; Меум и Тысячелист частенько наносили визиты семье Бена, проведывая птенцов. Маленькие птенчики поначалу вели себя очень неучтиво: они тянулись к гномам и щелкали клювами, пытаясь схватить их. Но через некоторое время птенцы становились дружелюбными и радовались, когда гномы приходили в гости.

У гномов была ещё одна соседка – летучая мышь по имени Вжух. Вжух проводила большую часть своей жизни вися вниз головой на одной из ветвей дуба ниже совиного дупла, вцепившись в ветвь своими игольчатыми когтями. Лишь вечером, когда начинало смеркаться, и мошकारа плясала над водой, Вжух разжимала свои когти и вспархивала с ветви, словно клочок сгоревшей бумаги. Летучая мышь тоже была полезна гномам, так как следила за приближением самого страшного врага, которого боялись все обитатели берегов ручья, – человека, – и предупреждала о его появлении. Конечно, летучая мышь – не самый приятный сосед, но в том не было её вины – такой уж она уродилась.

Однажды днём, когда гномы сидели у входа в пещеру и наслаждались тёплым солнышком, над лугом промелькнул Король рыбаков. Через мгновение он был уже возле дуба и уселся на свою любимую ветку рядом с чернильными орешками. Он принёс в клюве ровный обломок кости и бросил его на гальку к ногам Выюнка.

– Вот, держи, Выюнок! Это отличный крепкий кусок кости для твоей новой ноги. Я нашёл его у норы лесной собаки в Чертовой роще. Это заячья кость, она должна хорошо подойти.

Выюнок поднял кость и осмотрел её.

– Спасибо, ваше величество, она прекрасно подойдёт; премного обязан вам, это точно!

– Когда вы отправляетесь в верховья Причуди? – помолчав, спросил Король рыбаков. – Я думал... Простите меня... – тут он издал громкий харкающий звук. – Я думал, что вы уже собрались в дорогу.

Повисла неловкая пауза.

– Ну... Э-э-э... Вообще-то у нас было много дел, – смущённо ответил Меум, – нужно было сделать уборку в доме, а строить лодку я ещё не начал. Но я собираюсь начать, на этой неделе. Я уже всё продумал.

– О, это хорошие вести, гномы. Желаю вам удачи! Было бы ошибкой оставаться на одном месте всю свою жизнь. Увидимся в верховьях ручья; дайте мне знать, когда отправитесь в путь, и помните, что я всегда готов помочь вам.

С этими словами зимородок вспорхнул с ветки и полетел вниз по ручью.

После того, как Король рыбаков улетел, гномы не проронили ни слова. Вьюнок тут же начал работать над новой ногой. Он выскоблил кость краем острого кремня (гномы обычно использовали кремни для разжигания костра) и продолжал трудиться, низко склонившись над своим изделием. Ему постоянно мешала борода, и Вьюнку пришлось убрать её под свой плащ из кожи летучей мыши. Он нашёл новую желудёвую чашечку и вставил её острый конец в полость внутри кости – через час получилась очень аккуратная вещица. Вьюнок прикрепил её к ноге, крепко затянув шнурки из мышиной кожи, а затем молча и с мрачным видом проковылял взад-вперёд по галечному берегу. Его друзья тоже молчали.

Тишина и напряжение стали невыносимыми и, наконец, Тысячелист осмелился заговорить и спросил, довольно робко:

– А когда мы *собираемся* начать строительство лодки, Меум? Сдаётся мне, если начинать, то уж поскорее, потому что скоро настанет лето, а подготовка к путешествию займёт много времени.

– Ну... Э-э-э... Давай сегодня после полудня? Лучшего времени, чем сейчас, не найти. Если Вьюнок не пойдёт с нами, придётся отправиться без него. В конце концов, он может пока готовить запасы на зиму; он любит рыбачить.

Услышав это, Вьюнок, ещё больше помрачнев, ушёл куда-то далеко вдоль берега, и Меум с Тысячелистом остались одни.

– Вьюнок ведёт себя очень глупо, – выпалил Меум, понизив голос. – В одиночестве ему будет несладко. Ну почему он такой упрямый? В любом случае, даже если мы не найдём Морошика, путешествие пойдёт нам на пользу; мы годами никуда не уходили с этого самого места. Каждый из нас время от времени хочет каких-то перемен и новых впечатлений; вот я, например, хочу исследовать ручей, а если получится, то и найти Исток Причуди. Пойдём собирать древесину для лодки; самое главное – найти подходящий материал, а постройка судна не займёт много времени.

Гномы пошли по берегу в противоположную от Вьюнка сторону и начали карабкаться на прибрежный песчаный откос по корням старого боярышника. Неподалёку отсюда находилась небольшая рощица, где гномы часто собирали хворост для костра. Весенняя поросль уже пробивалась тут и там, и вскоре обещала превратиться в джунгли из крапивы, пырея и кипрея.

Повсюду яркими жёлтыми пятнами цвели примулы, а на боярышнике вили гнездо два зяблика – чудесное опрятное жилище из сваленного лишайника. Птички увидели гномов, но были так заняты, что не могли уделить ни одного мгновения для разговора. Однако, в конце концов зяблик заметил, как Меум пытается справиться с крупной веткой, и оторвался от своей работы.

– Привет, Меум! Собираете дрова?

Меум взглянул вверх и вытер пот со лба.

– Нет, мы будем строить лодку, Цвирк (так звали зяблика). Мы собираемся отправиться в путешествие по Причуди, чтобы найти Морошика, нашего пропавшего друга.

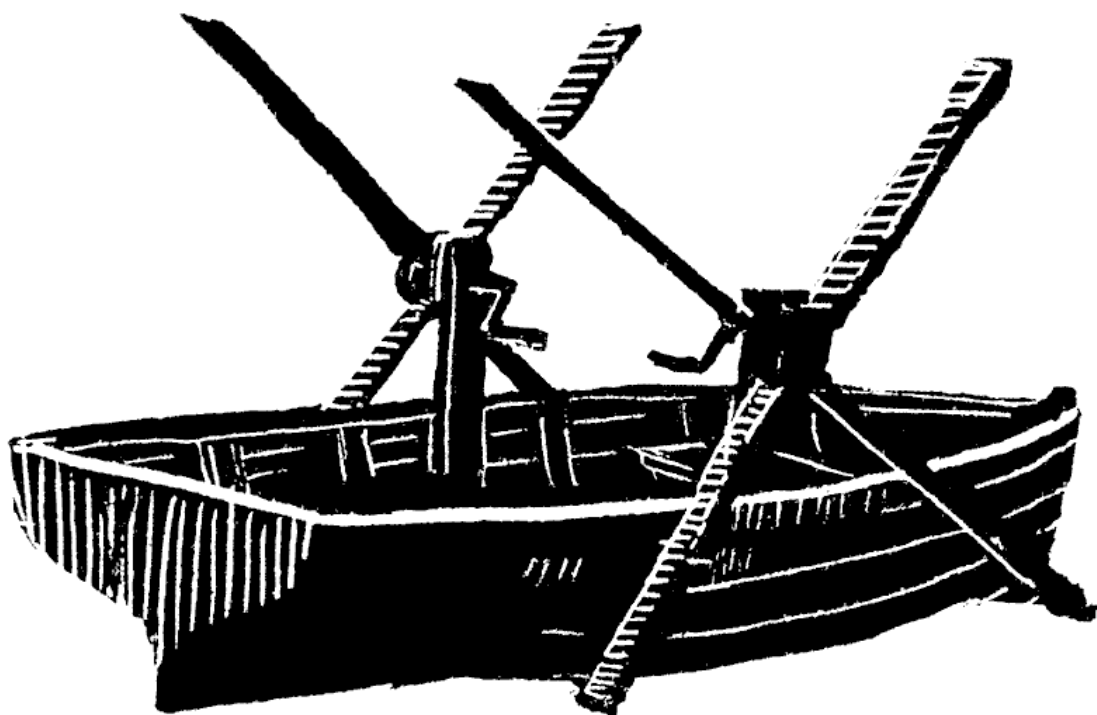
– Ого-го! Ну вы и повеселитесь! – воскликнул Цвирк. – Пожалуй, это самые неожиданные вести за последнее время. А я-то думал, вы, гномы, никогда не путешествуете.

Новость так взбудоражила зяблика, что он тут же решил поделиться ею со своей женой. Она, как и любая особа женского пола, была любопытной и любила пикантные новости, и вскоре все птицы, обитавшие на берегах ручья, знали о путешествии, которое задумали гномы.

Зайчиха Попрыгúша, дружившая с гномами, грелась на солнышке у входа в нору на опушке рощицы. Она услышала, как гномы шуршали в подлеске; хруст ветвей и шелест листьев насторожили её, и сначала она подумала, что это горноста́й. Она встала на задние лапы, положив передние на белый живот, и навести́ла уши. Затем она разглядела Тысячелиста и узнала его. Гномы поделились с зайчихой свежими новостями, а поскольку зайчихи тоже были большими сплетницами, вскоре все окрестные животные уже были в курсе готовящегося путешествия по Причуди.

Гномам понадобилось некоторое время, чтобы собрать достаточно подходящей древесины, и ещё больше времени, чтобы притащить её к корням дуба. Наконец, эта работа была закончена, и они начали стучать молотками, пилить и строгать, не жалея сил. Они стучали, словно дятлы, и работали так усердно, что, когда Вьюнок вернулся, по-прежнему мрачный и насупившийся, шагая со сложенными за спиной руками и не отрывая глаз от земли, лодка уже начала приобретать форму.

Увидев, чем заняты его друзья, Вьюнок ничего не сказал; он сразу ушёл в пещеру. Гномы трудились до самой темноты. Весь следующий день и ещё один день после этого они работали не покладая рук, делая перерывы только на еду. К концу месяца лодка была почти закончена и выглядела примерно так:

В качестве вёсел гномы использовали доски, ловко вклиненные в деревянные ступицы, а две рукоятки для вращения этих ступиц изготовили из гнутой проволоки, которую сняли с изгороди. Согнуть проволоку было самым сложным делом, и им понадобились совместные усилия, чтобы молотком придать конструкции правильную форму; на излучине ручья звон стоял как в кузнице.

Слух о готовящемся путешествии дошёл до всех зверей и птиц, обитавших на берегах ручья выше и ниже по течению, так как вести быстро передавались из клюва в клюв и из уст в уста. Все приходили посмотреть на новую лодку, ведь это была лучшая лодка из когда-либо построенных гномами.

Когда лодка была почти готова, её поставили под корягой, лежавшей на берегу среди молодой крапивы, чтоб каждый мог ею полюбоваться. Меум и Тысячелист страшно гордились творением своих рук, ведь, как вы можете видеть, это была превосходная лодка, сделанная весьма изобретательно. Она произвела впечатление даже на Вьюнка, хотя он и виду не показывал, что восхищён ею. Он приходил взглянуть на лодку тогда, когда, как он думал, другие его не видели. Но он по-прежнему отказывался говорить и не отрывал глаз от земли. Бедный маленький гном! В глубине души он очень хотел отправиться в путешествие вместе со своими собратьями, ведь за всю свою жизнь он никогда не оставался один и не мог вынести даже мысли о том, что ему придётся провести долгие летние месяцы в одиночестве. Но по натуре своей он был очень упрямым, а уж если гном что-то вбил себе в голову, изменить его решение бывает крайне сложно.

К началу мая лодка была готова. Её покрыли смолой из ствола ближайшего платана; она выглядела очень изящной и ходкой. Важным событием был спуск лодки на воду. Гномы никогда не тратят время попусту. Строительство лодки было завершено во второй день мая в пять часов вечера, а в семь часов было решено спустить её в заводь. Гномы подложили под лодку деревянные валики, а к носу привязали канат, свитый из травы. Они изо всех сил тянули канат, но не могли даже сдвинуть лодку с места. Ноги Меума всё время скользили на перекатывающейся гальке. Дело не шло, а Вьюнка, естественно, нигде не было видно – он продолжал дуться, сидя дома. Сомневаюсь, что гномам удалось бы спустить лодку на воду тем вечером, если бы не жаба, случайно оказавшаяся неподалёку. Гномы накинули ей на шею петлю травяного каната и теперь тянули лодку уже вдвоём.

– Пошла! – с восторгом крикнул Меум. – Тянем, друзья, тянем!

Действительно, тяжёлая маленькая лодка начала рывками двигаться в сторону ручья, приближаясь к воде, и, наконец, после финального рывка соскользнула в воду со слабым всплеском. Вы не поверите, с каким трудом гномам удалось снять петлю с жабы – она так и норовила уплыть прочь. Изрядно потрудившись, гномы наконец-то смогли подвести лодку обратно к берегу и привязали её к стволу боярышника. Затем, поблагодарив жабу, они отправились уговаривать Вьюнка.

Гномы застали его в пещере, у входа в кладовую, и Меум заметил, что у Вьюнка заплаканное лицо. Глаза у Вьюнка были очень красные, но он сказал, что всё дело в дыме от очага.

– Пойдём, Вьюнок, мы собираемся испытать лодку. Жаба помогла нам спустить её на воду, и лодка выглядит превосходно. Мы собираемся пройти на вёслах вверх по Причуди до Переката. *Пожалуйста*, пойдём с нами, Вьюнок!

Они убеждали и упрашивали, но Вьюнок не проронил ни слова и лишь отмахнулся. С этим они оставили его одного и вышли опробовать лодку.

Было уже поздно, и возле ручья, мелькая над водой то тут, то там, летала Вжух. Оба гнома, не скрывая своего волнения, забрались в лодку. Тысячелист оттолкнулся от берега ивой палкой, и маленькая лодочка плавно вошла в течение, устремившись к глубокой заводи.

Взглянув вперёд, вверх по течению ручья, гномы увидели водную гладь, уходящую за поворот, к Перекату; в ней отражались прибрежные кусты и ивы, тёмные и таинственные.

Певчий дрозд, выводивший трели в кусте белого цветущего тёрна, замолк, увидев, как от берега отчалила лодка, и с любопытством наблюдал за гномами. Два чёрных дрозда, дравшихся друг с другом из-за дамы (с распушёнными хвостами и прижав хохолки), тоже увидели отчалившую лодку и, забыв о ревности и гневе, полетели к дубу посмотреть на гномов.

Меум взялся за одну рукоятку, Тысячелист – за другую, и начали вращать их. Поначалу лёгкое течение несло лодку вниз по ручью, но когда заработали вёсла, лодка остановилась, а затем – ура, ура! – медленно стала двигаться против течения!

Когда гномы приноровились вращать вёсла согласованно, с одинаковой скоростью, лодка набрала ход и, разрезая воду, направилась к центру заводи.

Оба гнома молчали. Увлёкшись плаванием, они не заметили, как из-за корней дуба выглянул Вьюнок, украдкой наблюдавший за ними. Бедный маленький гном не удержался и вышел посмотреть на испытания лодки. Когда Меум на какое-то мгновение перестал грести, чтобы смахнуть пот со лба, Вьюнок тут же скрылся в тени под корнями – он не хотел, чтобы друзья заметили его. Краем глаза Тысячелист видел, как мимо медленно проплывали и оставались позади крепкие зелёные побеги и поросли молодой крапивы на противоположном берегу. Он изо всех сил налегал на вёсла, радуясь тому, что затея с лодкой удалась и что лодка так легко скользила по воде, а шла она гораздо лучше, чем любой из их кораклов.

Но настоящее испытание было впереди. По мере приближения к Перекату течение усиливалось, тихий плеск воды под носом лодки превратился в громкий гул, из-за брызг в лодку набралась вода, и ноги у гномов промокли. Но они продолжали упорно грести и постепенно, сантиметр за сантиметром, продвигались по стремнине вверх, против течения, и в конце концов вышли в заводь со спокойной водой в излучине реки.

Здесь гномы повернули к берегу и причалили у зарослей дикого ириса.

– Уф, – выдохнул Тысячелист, – тяжёлая работёнка. Плыть мы можем, но на порогах нам понадобится помощь Водокрыса; и если за Вороньим лесом мы не повстречаем препятствия покрупнее, то поднимемся вверх по течению без особых хлопот.

Меум сидел на носу лодки, утирая лоб.

– Теперь никто не посмеет сказать мне, что я не умею строить лодки, Тысячелист; да на такой лодке дойдёшь куда угодно!

Меум выбрался на сушу и с гордостью осмотрел судно. У противоположного берега раздался плеск, и через мгновение они увидели водяную крысу, переплывающую ручей с камышовым стеблем в зубах.

– Привет, Водокрыс! – окликнул Меум водяную крысу. – Нам надо с тобой поговорить.

Крыса поменяла направление движения и поплыла к гномам против течения с виртуозной лёгкостью, которой гномы могли только позавидовать. Она взобралась на кучу гнилого тростника и почистила усы.

– Хорошая у вас лодка, гномы!

– Да, это наша новая лодка, только что закончили, – с гордостью сказал Тысячелист, – и мы хотим попросить тебя об одолжении, Водокрыс. Мы собираемся пройти вверх по Причуди, чтобы найти Морошика, и хотим, чтобы ты нам помог. Есть ли ещё пороги или стремнины по пути к Мшистой мельнице?

– Стремнины? Да уж, сдаётся мне, есть, – ответил Водокрыс. – До Мшистой Мельницы вам лодку ни за что не довести; даже у меня уходит уйма времени, чтобы добраться туда.

– Как раз об этом мы и хотели с тобой поговорить, – в один голос воскликнули Меум и Тысячелист. – Мы хотим, чтобы ты взял нас на буксир на порогах и стремнинах; на спокойной воде мы справимся сами, но пройти стремнины против течения сможем только с твоей помощью.

– Разумеется, я помогу вам, гномы, – уверил их добросердечный Водокрыс, – как и другие крысы за мельницей. Я дам им знать – если они ещё не знают, конечно, – я имею в виду, не знают о вашем путешествии. Я сам узнал о нём два дня назад. Мне рассказала Попрыгúша; наверняка все обитатели берегов ручья уже знают об этом. Но послушайте мой совет: отложите путешествие на день или два. Причудь немного обмельчает, и тогда пройти стремнины будет легче. Отправляйтесь в путь, когда начнёт открываться первый бутон дикого ириса, не раньше.

Водокрыс взял кусок зелёного корня и, зажав его в передних лапах, начал деловито жевать. Благодарные гномы готовы были плясать от радости.

– А когда именно это произойдёт? – с нетерпением спросил Тысячелист. – Когда мы сможем отправиться в путь, Водокрыс?

– Хм, – ответил тот, прожёвывая очередной кусок, – думаю, в ближайшие два дня. Судя по тому, как выглядит сейчас ручей, лето будет сухим, и вам надо опасаться только гроз, ну и, разумеется, великана Громобоя. Мне будет гораздо спокойнее, когда вы минуете Вороний лес. Конечно, я не знаю, какова Причудь за Мшистой мельницей, потому что там я никогда не бывал, но чем дальше идёшь вверх по течению, тем меньше воды в ручье. На вашем месте я бы по дороге рисовал карту – она пригодится вам позже, а заодно и отметите на ней хорошие места для рыбалки. Гольяны в ручье за мельницей просто огромные.

– А ты когда-нибудь видел великана Громобоя? – робко спросил Тысячелист.

– Нет, сам я его не встречал, но слава о нём идёт ужасная. Он вас убьёт, если поймает. Вороний лес – страшное место. Я провожу вас до Мшистой мельницы, но после этого мне придётся вернуться назад. Я зверёк семейный, жена будет волноваться. По правде говоря, я вообще не скажу ей, что иду с вами: она взяла с меня обещание не ходить даже до Мшистой мельницы. Видите ли, её мать однажды отправилась в Вороний лес и не вернулась, как и бедный Морошник. Думаю, что он тоже попался в лапы великану Громобою.

– Большое спасибо, Водокрыс, мы отправимся в путь, когда откроется первый бутон дикого ириса. До свидания, и не забудь о своём обещании.

Гномы вновь сели в лодку и вышли на стремнину. Теперь вёсла им были не нужны. Они медленно плыли по течению. Хорошо было сидеть, наслаждаясь передышкой, и наблюдать, как мимо проплывают знакомые виды; остроконечный тростник уже становился похож на настоящий лес, длинные травинки свешивались над краем берега, тут и там перемежаясь с зарослями аронника и дикой вишни, цветы которой были просто великолепны.

Когда гномы достигли Переката, почти стемнело. Лодка набрала скорость, и гномы оцепенели, наполовину от страха, наполовину от восторга, вцепившись в лодку мёртвой хваткой. Вода здесь бурлила, лодку болтало из стороны в сторону, но она продолжала уверенно идти вниз по течению, пока ручей не вынес её в тихие воды Дубовой заводи.

Привязав лодку под кустом шиповника, гномы прошли немного назад по галечной отмели к своему дому в корнях дерева, уставшие, но счастливые. Выюнок, свернувшись калачиком, лежал в спальном мешке из кротового меха, притворяясь, что крепко спит, хотя на самом деле он не сомкнул глаз, прислушиваясь изо всех сил.

– Спит, – прошептал Тысячелист, – не разбуди его.

Наскоро перекусив, они забрались в свои спальные мешки и улеглись возле потухшего очага. Тысячелист быстро уснул, но Меуму не спалось. Мысль о предстоящем большом приключении взволновала его, а воображение рисовало картины будущего путешествия. О столь многом нужно было ещё подумать – например, о съестных припасах. Им придётся наведаться в кладовую и забрать оттуда кое-что, и тогда скандала не миновать. И почему этот гном доставляет им столько хлопот? А ещё нужно захватить рыболовные снасти и смену одежды на случай, если они промокнут. Гномы ненавидят сырость, особенно в преклонном возрасте. Напомню вам, что наши гномы жили у ручья с тех самых пор, как он появился в этих краях, и было это очень-очень давно, задолго до появления человека.

Ох! Столько всего ещё нужно было обдумать, столько всего предусмотреть, и всем этим должен был заниматься он, Меум. Всегда так – именно ему приходилось думать за других, в отличие от Выюнка, который привык только распоряжаться.

Наконец, донельзя утомлённый, Меум уснул и начал похрапывать, и Выюнок, который тихонько плакал, пока не уснул (его спальный мешок промок от слез), тоже засопел в унисон.

Глава 3

Путешествие начинается

Весь следующий день Меум и Тысячелист провели, лихорадочно готовясь к путешествию и время от времени наведываясь к зарослям дикого ириса, чтобы посмотреть, не начал ли раскрываться какой-нибудь из его бутонов.

Вьюнок запретил им притрагиваться к его припасам. Он сел на трёхногий табурет перед входом в кладовую, бледный и решительный, сжимая в руках посох. Меум и Тысячелист умоляли и упрашивали его, и Вьюнок в конце концов уступил им, но всё время молча стоял рядом, пока два других гнома собирали и укладывали провизию. Меум отобрал десять связок копчёной рыбы, горшочек дикого мёда, три пшеничных лепёшки, две банки желудёвой пасты и мешок крупных грибов. Больше ничего Вьюнок не позволил им взять. Меум и Тысячелист перетащили провизию к выходу из пещеры и сложили её возле входной двери.

Затем началось мучительное ожидание. Вьюнок понимал, что до отплытия остаются считанные часы, и ходил словно с камнем на сердце. Он не осмеливался даже думать о том ужасном моменте, когда он – впервые в жизни – останется в одиночестве.

В тот вечер Тысячелист сидел и наматывал новую леску из конского волоса на палочку, полученную в подарок от Цвирка. Вдруг он вскочил на ноги.

– Что случилось, Тысячелист? – удивлённо воскликнул Меум.

– О, я кое-что вспомнил, кое-что очень важное: у нашей новой лодки нет имени! Отправляться в плавание на новой лодке, у которой нет имени, – к несчастью. Что же делать?

– Как что? Дать ей имя, конечно, – ответил Меум покровительственным тоном. – Но мы всё должны сделать как полагается. Надо принести немного ключевой воды из родника, что за лугом.

Они взяли ведро из лягушачьей кожи и отправились за водой.

С серебристого неба капал дождик, крепкие молодые ягнята резвились на зелёной лужайке неподалёку от тропинки, со всех сторон раздавались птичьи трели. Родник находился рядом с рощицей, в которой гномы собирали древесину для лодки. Он скрывался за зелёными побегами папоротника, выглядывающими из пожухлых прошлогодних ноябрьских листьев и похожими на изогнутые рукояти епископских жезлов.

Меум наклонился и зачерпнул воду из самого центра родника, где поверхность воды вздымалась от струй подземного ключа, бившего из песочной впадины.

Гномы осторожно отнесли полное ведро обратно к Дубовой заводи и присели на гальку, чтобы придумать имя для лодки. На это ушло много времени. Маленькие человечки сидели, положив головы на согнутые колени, и перебирали разные варианты.

– Может, пусть будет «Подёнка»? – предложил Меум.

– Нет, не годится: подёнки живут всего несколько часов.

– Тогда «Стрекоза».

– Это лучше, да и Стрекозе польстим.

Они спустились к кусту шиповника, Меум забрался в лодку, а Тысячелист столкнул её в заводь. Когда лодка начала движение, Меум вылил воду из ведра на нос судна и торжественно произнёс:

– Я нарекаю тебя «Стрекозой», и да сопутствует удача тем, кто на тебе поплывёт. И пусть мы найдём Морошика, – добавил он немного погодя, когда лодку уже подхватило течение.

Завершив церемонию, Меум взялся за вёсла и подвёл лодку к берегу; остаток вечера гномы провели, вырезая на носу лодки её название (изображение стрекозы). Они закончили эту работу уже в сумерках и, чтобы не терять времени утром, тут же уложили все припасы под сиденье лодки.

Рано утром гномов разбудил Водокрыс, поскрёбшийся в дверь дома под дубом.

– Просыпайтесь, гномы! Вскрылся бутон ириса, растущего выше по ручью! Вам пора отправляться в путь.

Меум и Тысячелист выскочили из пещеры со спальными мешками в руках. От волнения у них перехватило дыхание.

– А где Вьюнок? – спросил Водокрыс.

– Ш-ш-ш, – зашипел Меум, – он не поплывёт с нами. Он думает, что наш план – сумасшедшая затея и что обратно мы не вернёмся. Говорит, что лучше останется дома и проживёт ещё несколько лет.

– Жаль, – сказал Водокрыс. – Может, я смогу его уговорить?

– Можешь попробовать, – шёпотом ответил Тысячелист, – но не думаю, что кому-то удастся заставить его изменить своё решение. Ничто не мешает ему присоединиться к нам, ведь Король рыбаков подарил ему новёхонькую ногу, и он будет в полнейшем порядке. Попробуй, может, у тебя и получится. Скажи ему, что мы отправимся в путь до восхода солнца.

Водокрыс исчез в пещере.

Вьюнок бесформенным кулём лежал в своём спальном мешке. Он натянул его на голову и отказался вылезать. Водокрыс легонько потормошил гнома, упрашивая и уговаривая его, но услышал в ответ лишь глухие рыдания.

– Ничего не выйдет, гномы, – сообщил Водокрыс, вернувшись. – Вьюнок никуда не пойдёт, он молчит и, кажется, очень расстроен. Вот вам мой совет: отправляйтесь в путь как можно скорее.

Меум и Тысячелист на цыпочках вернулись в пещеру.

– Что ж, до свидания, дорогой Вьюнок, мы скоро вернёмся, обязательно вернёмся. И мы вернёмся с Морошиком, вот увидишь!

Из темноты не прозвучало никакого ответа, поэтому, проронив по слезе, гномы всё так же, на цыпочках, вышли наружу и тихонько притворили за собой дверь.

Они сели в лодку и отвязали сплетённую из травы верёвку. Когда гномы выходили на лодке в Дубовую заводь, со всех сторон раздавались шелест и шорохи. Все звери и птицы, живущие у ручья, собрались, чтобы проводить гномов – зяблик Цвирк и зайчиха Попрыгúша, водяные крысы и ежи, сони, кроты и белки: гномы и не подозревали, что у них так много друзей! Все собравшиеся затрепетали от волнения, когда гномы налегли на вёсла и развернули «Стрекозу» носом против течения.

Вьюнок, услышав доносившийся снаружи шум, выскочил из спального мешка и метнулся к двери. Он так торопился, что совсем забыл пристегнуть свою ногу и упал, растянувшись на тростнике. Горько рыдая, бедный маленький гном подполз к двери и осторожно выглянул наружу.

Шёл дождь, и по коричневой воде расходились маленькие круги, а вдали за ивами первые лучи зари осветили небо на востоке. Вьюнок увидел зверей, столпившихся на берегу, беспокойных птиц, рассеявшихся на нависших над водой ветвях деревьев и кустов, а вдали, на другой стороне заводи – едва различимую лодку, направлявшуюся к Перекату, с Меумом и Тысячелистом на вёслах. Она становилась всё меньше и через некоторое время скрылась из виду за излучиной.

Это был самый горький момент для маленького гнома за всю его жизнь, единственный момент в жизни, когда ему было очень и очень больно. Жизнь вдруг потеряла для него всякий смысл, и будущее представлялось мрачным из-за ужаса одиночества.

Целое облако птиц – дрозды, зяблики, камышовые овсянки и синицы, – парило поодаль, над Перекатом. Птицы кружились и на все лады распевали свои песни. Вот уж поистине королевские проводы! Вьюнок смотрел, как птицы улетали всё дальше и дальше, исчезая за вер-

хушками кустов. Наконец, их звонкие голоса затихли вдали, и теперь до гнома доносился лишь тихий шум дождя, капли которого падали на водную гладь Дубовой заводи.

Вьюнок заполз обратно в свой спальный мешок. Его сердце разрывалось от горя и отчаяния.

* * *

Благодаря помощи Водокрыса «Стрекоза» легко прошла Перекат, и гномы вскоре оказались в спокойных водах выше по течению. Кружившие над ними птицы одна за другой улетали на поиски завтрака, а сопровождавшая их флотилия камышниц и водяных крыс понемногу отстала, а затем и вовсе рассеялась: каждый отправился по своим делам.

Гномы изо всех сил налегали на вёсла и довольно быстро продвигались вперёд по спокойной воде. Ручей петлял; ивовые заросли по берегам покрылись молодой зеленью; дикие ирисы повсюду выпустили бутоны, то тут, то там на поверхности воды плавали большие листья кувшинок, усеянные каплями дождя, словно жемчужинами. Жаль, что не было солнца, как раз наоборот, – дождь шёл, не переставая, но он был тёплым и потому не доставлял неприятностей, а прибрежная растительность источала восхитительные ароматы. Одна маленькая заводь, лежавшая чуть в стороне от основного русла ручья, была устлана великолепным ковром из белоснежных водных лютиков, а другая была усеяна ранними бутонами водяных лилий, чем-то похожими на маковые головки с отпавшими лепестками.

У гномов не было времени любоваться всеми этими красотами – усердно работая вёслами, они редко отвлекались и смотрели в основном на дно лодки.

Они проплыли мимо старого хлева с красной крышей, стоявшего на краю луга и принадлежавшего фермеру Счастливику, и увидели ласточек с траурно-чёрными спинками, усевшихся на коньке крыши. Причудь по-прежнему петляла, поворачивая то в одну сторону, то в другую, и не давала гномам скучать – за каждым поворотом они обнаруживали что-то новое и удивительное.

Вскоре они проплыли Усадебный мост, через который проходила просёлочная дорога к дому Счастливика, и смогли разглядеть ярко-красные трубы и чёрно-белое фахверковое⁸ здание за яблоневым садом.

Петухи кукарекали на выстланном соломой дворе, а с дикой яблони доносились крики кукушки: «Ку-ку! Ку-ку!»

Водокрыс легко и непринуждённо плыл рядом. Иногда он уплывал вперёд, чтобы проверить, безопасны ли берега ручья.

Через некоторое время у гномов начали болеть спины от непривычной для них гребли, и к полудню они причалили к берегу в тени ивовой рощицы, чтобы передохнуть. Водокрыс нигде не было видно; гномы решили, что он уплыл вверх по течению, и не волновались, – Водокрыс был надёжным товарищем, и на него можно было положиться. Гномы понимали, что скоро им придётся рассчитывать только на свои силы, ведь чем выше они будут подниматься по Причуди, тем реже будут встречаться им водяные крысы.

Дождь прекратился, и вскоре выглянуло яркое солнце, озарив каждый куст и каждую веточку, на которых рядами висели сияющие капельки, отсвечивающие всеми цветами радуги. Над сочной весенней зеленью поднимался пар, а над поверхностью ручья курилась белая дымка.

---

⁸ Фахверк – тип строительной конструкции, в которой несущий каркас здания выполняется из деревянных столбов и балок, а пространство между ними заполняется камнем, глиной и другими материалами. Деревянные несущие конструкции видны с наружной стороны дома и придают зданию узнаваемый вид. Фахверковые дома впервые появились в XV веке в Германии, а позднее эта технология каркасного строительства стала очень популярной в странах континентальной Европы и в Британии, где известна как half-timber (наполовину деревянный дом). – *Прим. ред.*

– Где мы сейчас? – спросил Тысячелист, стоя в лодке и пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь заросли ивы.

– Должно быть, где-то возле Распадков, рядом с Мшистой мельницей, – ответил Меум, тяжело дыша; он никак не мог прийти в себя и поглаживал свою спину. – Скажу тебе одно, Тысячелист: завтра мы будем страдать от ужасных болей в пояснице. Знаешь ли, нужно время, чтобы привыкнуть к такой работёнке.

Чуть погода Тысячелист смахнул слезу с левого глаза.

– Жаль, что Выюнок не пошёл с нами. Интересно, что он сейчас поделывает? Наверное, лежит в пещере и обливается слезами.

– Ох, давай не будем об этом думать, – сказал Меум с лёгким раздражением в голосе. – Если ему нравится быть таким глупым и упрямым, это не наша вина. Скоро он привыкнет к одиночеству и, возможно, ему это даже понравится.

Оба гнома замолчали. Они растянулись на дне лодки и наблюдали за тем, как зелёная гусеница раскачивается туда-сюда на длинной нити, свисающей с ивового листа.

Из ивовой рощицы выпорхнула болотная гаичка с чёрной головкой. Она не заметила гномов внизу, под ивами, а вот гусеницу заметила, и – цап! – та оказалась в птичьем клюве. Гаичка тотчас же взлетела повыше и скрылась в ветвях.

Вода, журча между ивовых корней, убаюкивала гномов, и Меум едва не задремал.

– Нет, так дело не пойдёт! – воскликнул он, вскакивая на ноги. – Так мы никогда не доберёмся до верховий Причуди. Ну-ка, Тысячелист, за работу! Мы должны дойти до Мшистой мельницы прежде, чем выйдут на охоту летучие мыши.

– И куда же запропастился Водокрыс? – сонно пробормотал Тысячелист, который устроился очень удобно и не хотел шевелиться. – Я надеюсь, он не ушёл насовсем и не бросил нас.

– Не беспокойся о нём. Наверно, он поплыл к следующим порогам. Не будет же он всё время плыть рядом с нами.

Быстренько встряхнувшись и приведя себя в порядок, гномы отчалили.

Солнце стало припекать, да так сильно, что им пришлось держаться ближе к берегу, в тени кустов, которые росли вдоль ручья. К счастью, глубина здесь была достаточной (около пятнадцати сантиметров), и, так как течение у берега почти отсутствовало, гномы продвигались вперёд гораздо быстрее. Но, как ни крути, идти на вёслах – нелёгкая работа, и очень скоро с обоих гномов пот потёк ручьём. Но гномы не сдавались, и во второй половине дня они увидели впереди, по другую сторону Распадков, два высоких чёрных тополя – ориентиры Мшистой мельницы.

Окрестности Мшистой мельницы были красивым местечком, а сама мельница исправно работала. Её окружали ивы, вокруг шумела вода, и в воздухе стоял бодрящий речной запах, который, наверное, всегда бывает в подобных местах. Здесь располагался большой квадратный мельничный пруд, заросший водорослями ярко-изумрудного цвета, как у травы на лугу (да и выглядел он словно обычная лужайка, по которой можно ходить); в нём резвились белые утки мельника. Прокладывая путь среди зелёных водорослей, утки оставляли за собой чернильно-чёрные полоски воды, которые, однако, быстро исчезали.

В разгар лета Мшистая мельница утопала в листве окружавших её деревьев – ив, вязов, дубов и ольхи. Здесь было очень влажно, вот и разрастались тут разнообразные водоросли и все те растения, которые любят воду, – кокорыш, воскóвница, тенистый норичник, болотная калужница, огромные лютики и гигантский щавель, похожий на прибрежные речные кусты где-нибудь в тропиках; его стебли выглядели словно огромные мохнатые колонны, толстые, как ветви деревьев, а под зонтиками изумрудных листьев ползали любопытные жучки и мухи.

На протяжении всего лета можно было слышать шум воды, бежавшей по водосливу под тополями в пятнадцати метрах за мельницей, и этот убаюкивающий шум был сродни шёпоту

ветра в высоких чёрных тополях, стоявших на краю мельничного пруда. Там пахло щукой, форелью и всякими другими речными существами с серебряной чешуёй.

Выше мельницы Причудь разделялась на две протоки: одна протока уходила по водосливу прямо к мельнице, в мельничный жёлоб, приводя в движение огромное и неуклюжее водяное колесо, а потом стекала в мельничный пруд и, минуя его, следовала дальше; другая, главная, поворачивала в сторону и петляла в ивовой роще, а затем вновь соединялась с первой протокой в тридцати метрах ниже мельницы и мельничного пруда.

В протоке под мельницей образовалась глубокая промоина; здесь водилась огромная форель. Место это было жутковатое: в полумраке гремело и скрипело водяное колесо, бурлила и шипела вода. Зловещий зелёный сколопэндровик рос прямо между камнями; колючие окуни (на боках у них полосы, как у зебры, а плавники цвета красного сургуча) поднимались к поверхности воды, глотали воздух и вновь скрывались в тёмной глубине. Тем не менее, в жаркий майский или июньский денёк здесь было хорошо.

* * *

Гномы усердно гребли и плыли вперёд, пока совсем не выбились из сил; подойдя к густым зарослям тростника, они пробрались к берегу сквозь частокол стеблей, вытащили лодку на илистый грунт и привязали её. Животы у них сводило от голода, ведь они ничегошеньки не ели с самого завтрака.

Меум достал копчёных голянов и протянул одну рыбку Тысячелисту, а сам съел две рыбки, пока Тысячелист сидел к нему спиной. Рыба была очень вкусной, и гномы с удовольствием запивали её водой из Причуди.

В тростнике по соседству висело гнездо тростниковой камышовки – хитроумно сплетённая корзиночка, глубокая, как мешок. В гнезде сидела птичка, которая то и дело поглядывала на гномов: над краем гнезда появлялась её маленькая зеленовато-коричневая головка. Гнездо было глубоким, чтобы яйца или птенцы не выпали из него при порывах ветра, качавшего высокие тонкие стебли тростника.

Гномы не были близко знакомы с камышовками, потому что ниже по течению не рос такой высокий тростник. Эти птицы селились лишь в определённых видах тростника и никогда не строили гнёзда в низкой осоке.

– Сейчас нам лучше поспать, – сказал Меум. – Не будем показываться возле Мшистой мельницы среди бела дня. Надо подождать до сумерек, иначе нас могут заметить. Кроме того, влюблённые парочки из окрестных сёл обожают прогуливаться по берегам ручья от Усадебного моста до мельницы и обратно. Нет, выдвигаться нужно после наступления темноты.

– Влюблённые парочки нас не заметят, – ответил Тысячелист, – они всегда слишком заняты друг другом. Возчик Счастливчика два года назад был влюблён, и вместе со своей девицей они имели обыкновение прогуливаться вдоль Причуди до Усадебного моста. Я там часто рыбачил, но они никогда меня не замечали. А вот я их видел.

Меум не обратил внимания на последнее замечание.

– Сейчас нам лучше вздремнуть; к тому же, если мы будем слишком много болтать, то потревожим госпожу Камышовку.

С этими словами Меум вытащил спальный мешок, устроил из него подушку, и вскоре оба гнома крепко спали, лёжа на спине и сложив руки на животах, убаюканные журчанием ручья и лёгким ветерком, шуршащим в тростнике.

Когда они проснулись, был уже поздний вечер. Над водой вилась мошкара, то и дело раздавался громкий плеск, когда из воды выпрыгивала форель, чтобы поймать какую-нибудь неосторожную мушку.

После жаркого дня у ручья было чудесно. Вы должны помнить, что время, которое гномы выбрали для путешествия, было самым лучшим в году; при условии хорошей погоды май и июнь – самые лучшие месяцы в центральных районах Англии. И не думайте, будто гномы не замечали очарования окружавшей их природы, – напротив, занимая положение между животными и нами, людьми, они ценили красоту мира гораздо больше, чем большинство из нас. Природа казалась им прекрасной в любое время года и в любую погоду (как и каждому благо-разумному человеку), и не проходило и часа, чтобы они не примечали что-нибудь особенное, достойное восхищения и любования.

В зарослях тростника послышалось тихое чавканье, и гномы увидели Водокрыса, грызущего сочный камышовый стебель.

– Привет, Водокрыс, а мы уж подумали, что ты нас бросил, – сказал Меум шутливым тоном.

– Ну нет, я был неподалёку всё это время. Хочу посмотреть, как вы уйдёте за Мшистую мельницу.

Он выгнулся, забавно подпрыгнул, уселся поудобнее на кочке среди тростника и вновь стал деловито жевать стебель.

– Ну что, Тысячелист? – Меум потянулся и зевнул.

– Да, я готов, Меум. Всем занять свои места!

Они отвязали лодку, столкнули её в воду и поплыли.

– Будьте осторожны, гномы, – окликнул их Водокрыс. – Возле мельницы рыбачит старый Полковник из Яффы, но я не думаю, что он вас заметит, – я только что был там и видел, как его леска зацепилась за боярышник, и он страшно бранился.

Двигаясь к мельнице, гномы старались держаться поближе к зарослям тростника. Пройдя поворот, они увидели, что у Полковника действительно случились неприятности. Бросив удочку на землю, он сидел на изгороди и пытался распутать леску, заткнув платок под кепку, чтобы отгонять мошкар.

– Он нас не увидит, – шепнул Меум Тысячелисту, – держись поближе к другому берегу.

Тут и там над поверхностью воды висели серые облачка мошкар, а среди кувшинок толкались белохвостые камышницы. Подойдя ближе к мельнице, гномы двигались вперёд предельно осторожно.

Оказавшись в сотне метров от рыбака, поглощённого своими делами, они перестали грести и попросили Водокрыса взять их на буксир, чтобы плеск вёсел не привлёк ненужного внимания. Но как только гномы двинулись дальше, Водокрыс неожиданно и безо всякого предупреждения нырнул под воду. Молниеносно (а гномы могут двигаться так быстро, что и не уследишь) они бросили буксирную верёвку, и «Стрекозу» отнесло в заросли норичника, растущего возле берега ручья.

Тем временем Полковник, распутав леску, закинул удочку внахлёт и, к ужасу гномов, начал медленно двигаться в их сторону!

– Надо было дожидаться темноты, – выдохнул Тысячелист, лихорадочно хватаясь за упругие стебли торчавших из воды растений, чтобы протолкнуть лодку между ними. Будет настоящий кошмар, если он нас увидит! Что же делать?

Именно в этот момент, как назло, на крючок Полковнику попала крупная форель. Гномы услышали, как взвизгнула катушка, и в следующее мгновение вниз по течению промчалось что-то похожее на торпеду, взметнув волну, накатившую на прибрежные растения. Берег задрожал от тяжёлых шагов, и через секунду совсем рядом гномы услышали шумное дыхание.

Форель, довольно большая, барахталась в ручье, поднимая фонтаны брызг, прямо напротив гномов. К их ужасу, она нырнула в водоросли прямо возле лодки. Гномы услышали звон натянутой лески и негромкую ругань взволнованного Полковника, взмокшего от пота.

– Всё в порядке, – шепнул Тысячелист, – он так занят своей добычей, что не заметит нас. А вываживает он её ловко, нечего сказать! Ты только посмотри: он всё время держит леску туго натянутой!⁹

Тысячелист и Меум, сами будучи отличными рыбаками, могли по достоинству оценить все манёвры сторон в этом противоборстве.

Форель не желала покидать своё укрытие в водорослях, и через пару мгновений поблизости снова раздалась ругань.

– Что он делает? – прошептал Меум, пытаясь разглядеть Полковника за стеблями норичника.

– Он снимает ботинки, – вымолвил Тысячелист, у которого от ужаса перехватило дыхание. – Он идёт сюда!

Полковник закатал штаны и осторожно вошёл в воду, ворча и ругаясь.

– А он разозлился не на шутку, – заметил Меум.

– Какие волосатые ноги! – прошептал Тысячелист. – Нам лучше перерезать леску, иначе он доберётся до нас.

Серебристая леска была совсем рядом с гномами, натянутая, словно тетива, и уходила под воду, в заросли водорослей. Меум выхватил нож, висевший на поясе, перегнулся через борт лодки и полоснул леску лезвием ножа. Она тут же лопнула, и Полковник разразился потоком отборных ругательств.

Свернувшись калачиком, гномы залегли на дно лодки. Торчавшие над водой верхушки водорослей заколыхались, и гномы поняли, что рыбина рванула вверх по ручью. Смотав остатки лески, Полковник вышел на берег, надел носки и ботинки и побрёл прочь, по-прежнему ворча что-то себе под нос.

Когда всё стихло, гномы поднялись и огляделись. Неподальёку в прибрежных зарослях сидел Водокрыс и тихонько посмеивался.

– Ну и ловко же вы выкрутились, гномы! Я уж было заволновался, когда увидел, что Полковник разувается. Теперь всё спокойно, старик ушёл домой.

Над заливными лугами садилось солнце, вышли на охоту летучие мыши, шнырявшие теперь над заросшими ивой затонами. Камышовки верещали без умолку, и повсюду стоял чудесный запах водорослей и рыбы.

– Чу! – внезапно воскликнул Меум и бросил вёсла.

«Плюх, плюх», – доносился издалека тихий размеренный плеск водяного колеса мельницы.

– Мельник трудится допоздна, – озадаченно сказал Тысячелист. – Обычно к этому времени он уже прекращает работу. Интересно, в чём дело.

– Это неважно, – ответил Меум. – Он так занят помолом зерна, что не заметит нас, а влюблённых парочек на берегах ручья сейчас нет.

– Не рассчитывайте на это, – вмешался Водокрыс. – Они могут сидеть по другую сторону прибрежных зарослей, возле заводи, где обычно купаются деревенские мальчишки. Пойду-ка я посмотрю.

Водокрыс поплыл вперёд, рассекая гладь ручья и оставляя за собой на воде две полосы в форме буквы Л, отражавшие последние лучи заходящего солнца и гаснувшие в красных корнях ив на берегах ручья. Вскоре он вернулся и сообщил, что берега чисты, и гномы двинулись дальше.

---

⁹ Когда рыба попала на крючок, опытный рыбак начинает вываживать её, постепенно подтягивая рыбу к себе и держа леску постоянно натянутой, чтобы утомить добычу, не позволить ей сойти с крючка или дёрнуть леску и порвать её. – *Прим. ред.*

По мере приближения к Мшистой мельнице Причудь становилась шире; то тут, то там по берегам рос стрелолист, и белые бутоны кувшинок возвышались над круглыми плоскими листьями. Гномы увидели впереди ярко-красную черепицу на крыше мельницы, тронутую серыми и золотистыми пятнами лишайника, а за ней – округлые очертания конских каштанов, слившиеся в эти дни в огромный цветистый занавес, сверху донизу усеянный белыми свечками соцветий, мягко светившимися в наполненных вечерними ароматами сумерках. Грачи, живущие на верхних ветвях каштанов, были скрыты листвой, и об их присутствии говорило лишь доносившееся оттуда сонное карканье какого-то грачонка, который никак не мог уснуть.

Ещё дальше русло ручья было отмечено несколькими тополями, которые росли по берегам на некотором расстоянии друг от друга, а за ними уже начинались совершенно незнакомые края, где гномы никогда не бывали, – края, которые были такими же загадочными и завораживающими, как и тёмное внутреннее пространство какого-нибудь африканского жилища, куда редко проникают лучи солнца.

Хотя до полуночи оставалось не больше трёх часов, небо было ещё очень светлым, и чем ближе к мельнице подходила «Стрекоза», тем лучше было слышно доносившееся оттуда хлоппанье водяного колеса. В воздухе сновали, высматривая добычу, многочисленные летучие мыши, которые кружились над зарослями тростника и время от времени резко бросались вниз; со всех сторон слышен был плеск резвящейся рыбы.

Воздух постепенно стал насыщаться новым звуком – далёким шумом, который, подобно хлоппанью водяного колеса, становился всё громче и громче с каждым поворотом вёсел «Стрекозы». Это шумела вода, бегущая по водосливу и мельничному жёлобу. Там, перед мельницей, где снова соединялись две протоки ручья, Причудь кружилась в водовороте и бурлила.

Гномам очень не понравился вид этой омутины; по сравнению с ней пороги, которые гномы прошли по пути от Дубовой заводи, казались сущими пустяками. Но гномы держались берега и с помощью Водокрыса пересекли водоворот без приключений, потом обошли мельницу стороной по главной протоке и вскоре вышли на тиховодье за мельницей.

Теперь они были на пороге неизведанного, и первые препятствия, казалось, остались позади.

Меум, ритмично работавший вёслами, был окрылён таким успехом. Водокрыс бросил буксирную верёвку и повернул назад, вниз по течению; он плыл в тёмных водах ручья, и от его поблёскивавшего носа, торчавшего над водой, расходились волны.

– Что ж, гномы, вот вы и миновали Мшистую мельницу! – крикнул он, обернувшись. – Тут я с вами попрощаюсь – удачи вам!

– И тебе удачи, Водокрыс! Спасибо тебе за помощь! Мы тебя не забудем! Пройдёт немного времени, и мы вновь встретимся! Скажи Вьюнку, чтобы он не грустил, и, главное, скажи ему, что мы скоро вернёмся!

Прощавшись, Водокрыс заскользил в сторону мельницы, очертания которой были хорошо видны на фоне светлого закатного неба.

А потом случилось нечто ужасное.

Оба гнома работали вёслами, всё шло гладко во всех смыслах этого слова; и вот когда ничего не предвещало беды, весло Тысячелиста сломалось! Лодка налетела на притопленную корягу, которую почти не было видно на поверхности, потому что воды ручья под каштанами были совсем тёмными. В следующее мгновение «Стрекоза» медленно закрутилась на середине ручья, и течение понесло её обратно, назад к мельнице.

Гномы не сразу поняли, что произошло. Тысячелист почувствовал, что рукоятка весла вдруг начала легко прокручиваться, и лопасти вёсел перестали загребать воду. Меум попытался отвести «Стрекозу» к берегу, но, работая вёслами только с одной стороны, они просто ходили кругами, всё дальше удаляясь от берега, а течение всё больше затягивало их. Думаю, поначалу гномы даже не поняли всей опасности создавшегося положения. Они считали, что в

худшем случае их отнесёт ниже Мшистой мельницы, и там по листьям кувшинок они переберутся в какую-нибудь тихую заводь.

Но вскоре опасность стала очевидной. Гномы надеялись попасть в главную протоку, мирно петлявшую в ивовой роще, но их затянуло в водослив, ведущий к водяному колесу, и теперь течение, постоянно ускоряясь, несло их прямо к мельнице.

Гномы с ужасом смотрели на быстро приближавшийся жёлоб, и шум водослива вскоре утонул в гроыхании воды, перемалываемой огромным водяным колесом. Меум схватил котомку с самыми важными вещами и заорал во всё горло, чтобы Тысячелист мог услышать его в шуме воды, ставшем просто оглушительным:

– Надо прыгать! Живо, за борт! Хватай свою котомку и плыви к каменной стене!

Гномы отлично плавают в спокойной воде, но эта всепоглощающая Ниагара – совсем другое дело. Поток воды закрутил их как щепки, как беспомощных тонущих жучков.

Гномы видели, как несчастная «Стрекоза» завертелась всё быстрее и быстрее. На них надвигался жуткий зев каменной арки, через который вода рвалась к огромному водяному колесу. Всё ближе, ближе... Меум хватал воздух ртом, Тысячелист исчез из виду. Впереди показался туннель, похожий на пасть кита; в одно мгновение он поглотил гномов. Меум, Тысячелист и лодка – все они словно стали рыбёшками в чреве гигантского животного. Здесь был только грохот, в котором тонули остальные звуки, и взрывавшаяся брызгами бурлящая вода со слабо мерцавшими в ней воздушными пузырьками.

Мимо Меума словно в кошмарном сне промелькнули движущиеся чёрные лопасти водяного колеса, он смутно различил какой-то скрежет и скрип, и тут его затянуло под воду. Многие тонны воды давили на него, и он тонул, он шёл ко дну, к самому дну – всё глубже, глубже, глубже...

Глава 4

Вьюнок

После того, как «Стрекоза» и её храбрый экипаж отправились в плавание, Вьюнок несколько часов пролежал в пещере, горько рыдая. Никто его не навещал, никто не пытался его утешить. И именно благодаря этому он пришёл в чувство. Жалость к себе никогда никому не помогала, тем более гному. В конце концов Вьюнок утёр слезы, надел ногу, вышел из-под корней дуба и словно оказался в новом мире, где светило тёплое солнышко и повсюду сияли капельки дождя.

С нависающих ветвей дуба то и дело срывались и падали в заводь капли воды, от которых расходились маленькие колечки, исчезающие затем на гладкой поверхности ручья.

Вьюнок взял удочку и поковылял к Перекату на Причуди. После дождя голян оголодал, и вскоре на крючок попала жирная рыбка, которая изрядно помотала гнома, прежде чем он вытащил её на берег. Вскоре он был уже настолько увлечён рыбалкой, что забыл обо всех своих бедах, и великолепное утро вдохнуло в него новую жизнь.

Лёгкий ветерок принёс с луга аромат примул и сердечника, к которому примешивалось благоухание цветков боярышника. В рощице неподалёку постоянно куковала кукушка. Над Дубовой заводью носились чёрные ласточки, кончиками крыльев слегка касаясь подёрнувшейся рябью поверхности ручья. Потрёпанная бабочка-крапивница (которая провела зиму в спячке в трещине старого дуба) уселась на иссохшую головку рогоза неподалёку, широко раскрыв крылышки на солнышке.

Вьюнок рыбачил, пока не поймал семь жирных голянов и колюшку. Последняя была очень красива – у неё был розовато-красный воротничок и голубоватая спинка, переливающаяся всеми цветами радуги. Потом он смотал удочку и стал наблюдать за маленькими рыбёшками, мелькавшими на мелководье, шнырявшими среди камней на дне Причуди и пробирающимися вверх по течению.

Время шло, и Вьюнок почувствовал острое желание с кем-нибудь поговорить. Все звери и птицы были слишком заняты, чтобы остановиться и поболтать с ним – почти у всех были семьи, о которых надо было заботиться, все были заняты строительством и благоустройством гнёзд и норок или добычей еды для шумного потомства и жён-наседок.

Вьюнок сложил улов в котомку, которую носил за спиной, и стал подниматься вверх по прибрежному откосу. Он начал обдумывать своё положение. Гному стало ясно, что он не вынесет одиночества, которое с каждым часом тяготило его всё сильнее. Так или иначе, он должен отправиться вслед за Меумом и Тысячелистом и отыскать их; опасности путешествия не шли ни в какое сравнение с чувством пустоты и отчаяния, которое он испытывал.

Но оставался один вопрос: как именно это сделать? Вьюнок был хромым на одну ногу и даже пешком передвигался в два раза медленнее своих собратьев, а о том, чтобы нагнать «Стрекозу», он не мог даже и мечтать.

Над Перекатом нависал ствол старой поваленной ивы, расколотой молнией. Удар молнии расщепил дерево пополам, и одна его часть лежала поперёк ручья, соединяя берега Причуди друг с другом. Сверху на стволе образовалась ложбинка, в которой скапливалась грязь и опавшая листва. Здесь рос ярко-зелёный мох и странные кожистые грибы. Вьюнок вскарабкался сюда и уселся на мох, свесив здоровую ногу над ручьём и болтая ею.

Отсюда хорошо просматривалось дно ручья. Под ивой находилась довольно глубокая заводь, но вода здесь была прозрачной, словно можжевелевая настойка, и Вьюнок мог разглядеть каждый камешек на песчаном дне. Дно ручья выглядело очень заманчиво, и в этот момент гном многое отдал бы за то, чтобы превратиться в рыбу.

Когда глаза Вьюнка по привычке к игре света и теней на дне ручья, всё стало приобретать для него чёткие очертания. Если солнечные лучи падают прямо на прозрачные воды ручья, неискушённому наблюдателю нелегко разглядеть в воде рыбу; даже Вьюнку не всегда это удавалось. Меняя положение, он в конце концов смог разобрать в воде очертания очень большого окуня, залёгшего на дне заводи, головой против течения, и слегка шевелившего плавниками. Рыба была просто загляденье, полоски на спинке казались тенями от веток, и лишь едва заметное поблёскивание расходившихся жабр время от времени подсказывало, что это всё же рыба. Шипы вдоль спины были едва видны, потому что окуни расправляют их лишь тогда, когда волнуются или боятся.

Вьюнок был поражён. Подобные исполины редко поднимаются так высоко по Причуди, и, если гному удастся его поймать, такая добыча могла обеспечить его пищей на несколько дней вперёд. Вьюнок насадил на крючок извивающегося дождевого червя (ярко-красные дождевые червяки – самое желанное лакомство для рыб) и ловко закинул его в воду прямо над окунем так, чтобы тому показалось, будто червяк сам упал с ивы.

Вьюнок наблюдал за тем, как червяк, едва оказавшись в воде, стал извиваться ещё сильнее и медленно тонул, опускаясь всё глубже и глубже, пока не оказался в нескольких сантиметрах перед неподвижной рыбой.

Окунь совсем не таков, как голавль или плотва; окуни не ходят косяками, а отсиживаются в иле и песке, выжидая, словно мистер Микобер¹⁰, пока им улыбнется удача и добыча сама приплывёт к ним.

Как только червяк коснулся песчаного дна, он начал отползать в сторону, а окунь зашевелился. Его плавники слегка задрожали, а на спинке приподнялись шипы. Через несколько секунд со дна взметнулся взбаламученный песок, и леска натянулась.

Однако Вьюнок был искусным рыбаком, его леска оказалась достаточно длинной, а катушка на удочке была сделана из кости лапы горностая. Едва почувствовав крючок, окунь рванулся вверх по течению и размотал леску почти на два метра. К счастью для Вьюнка, леска на его удочке была намотана на катушку, иначе окунь утащил бы гнома в воду, ведь окунь – рыба крупная и весит почти столько же, сколько гном. Но Вьюнок был удильщик хоть куда и вываживал свою добычу с мастерством опытного ловца лосося.

Примерно через час окунь начал уставать, и над водой показалось его белое брюшко. Вьюнок слез со ствола поваленной ивы и подтянул рыбу к берегу. Ему понадобились все силы, чтобы вытащить свой улов. Эта была великолепная рыбина, лучшая из всех, что он вылавливал за долгое время. Гном вытащил охотничий нож и стал разделять добычу, сделав надрез на брюшке и с усилием разрезая толстую гладкую кожу, раздвигая её и проталкивая нож всё дальше. Плоть рыбы, сочная и плотная, вся была испещрена голубыми прожилками. Вьюнок ловко отделил её от костей и нарезал пятисантиметровыми ломтиками. Потом он сплёл из осоки четыре верёвочки, аккуратно связал ломтики и, взвалив эту вязанку себе на спину, направился обратно к своему дубу. Войдя в пещеру, гном свернул свой спальный мешок из кротового меха и достал из кладовой несколько пшеничных лепёшек.

Вьюнок, наконец, решил так или иначе отправиться вверх по Причуди, чтобы присоединиться к своим друзьям. Он и подумать не мог о том, чтобы проводить ночи в пещере в одиночестве.

---

¹⁰ Персонаж романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим», неунывающий неудачник, живущий в вечной надежде на счастливый исход. – *Прим. пер.*

* * *

Когда Вьюнок отправился в путь, его не провожали взволнованные звери и птицы, никто не пожелал ему удачи, никто не заметил, как маленький хромо́й гном с котомкой за плечами ковылял вверх по ручью.

К сумеркам Вьюнок ушёл уже довольно далеко от дома и добрался до тех самых зарослей тростника, где его собратья устроили привал в середине дня. Зоркий и наблюдательный, гном вскоре заметил на мягком иле следы в том месте, где Меум и Тысячелист вытащили лодку из воды, а от камышовки узнал, что два гнома действительно отдыхали здесь, прежде чем отправиться в сторону мельницы.

Вьюнок очень устал, его нога болела, и поэтому он решил поискать место для ночлега. До Мшистой мельницы было ещё далеко, и у гнома не оставалось ни единого шанса добраться туда раньше следующего вечера.

Вьюнок нашёл небольшую ложину под корнями ясеня, растущего на берегу Причуди, и сгрузил всю свою поклажу в сухую пещерку. Потом он развёл небольшой костерок и зажарил пару ломтиков филе выловленного окуня с несколькими листьями щавеля. Получилось очень вкусно, и гном почувствовал, что силы возвращаются к нему. По правде сказать, Вьюнку даже начало нравиться это путешествие. Он раскурил трубочку с крапивным табаком, уселся на бревне и, попыхивая трубкой, наблюдал за тем, как угасает над ручьём свет уходящего дня.

Когда совсем стемнело, журчание воды в ручье стало казаться более громким и отчётливым, словно эхом отдаваясь на берегах и в прибрежных зарослях. Водяные крысы проплывали под кустами боярышника, чьи ветви низко склонились над водой под тяжестью цветов, почти касаясь ручья. Веточки и сухие травинки – следы последних мартовских паводков – всё ещё свисали бахромой с нижних веток.

Вьюнок докурил трубку и улёгся спать, удобно устроившись в спальном мешке. Он спал крепко, проснувшись лишь однажды, когда какой-то зверь, – он не видел, кто это, – незадолго до рассвета спустился к ручью на водопой. Узнай тогда гном, что это была лесная собака, он бы страшно испугался.

Он проснулся как раз в тот момент, когда за фермой, над пашней, запел первый жаворонок, а небо на востоке стало серым. Хотя был уже май, дул холодный ветерок, и заливные луга затянуло молочно-белым туманом. Вьюнок лежал, свернувшись калачиком, и прислушивался к голосам птиц. Какое-то время пел лишь жаворонок; слабенькие высокие нотки его чистого голоса доносились откуда-то издалека, с невообразимых высот. Без сомнения, жаворонок заглядывал за горизонт и уже видел восходящее солнце. Затем вступил крапивник; его громкий свист раздавался неподалёку от ясеня. Вьюнок разглядел эту пичужку, присевшую на мшистый камень. Удивительно, что такое маленькое существо могло издавать такие громкие звуки.

Вьюнок окликнул пичужку:

– Привет, крапивник! Рано же ты поднялся.

Маленькая птичка тревожно замерла на пару мгновений, вращая юркой головкой в разные стороны, потому что не сразу заметила Вьюнка под корнем ясеня. Она была так напугана, что Вьюнок рассмеялся, и тут уж крапивник увидел его – сидящего в спальном мешке, обхватив руками здоровую ногу.

– О, гном, что ты тут делаешь? Не ожидал увидеть маленький народец в наших краях.

– Да обычно мы и не ходим сюда. Мы живём у Дубовой заводи. Я отправился вверх по Причуди на поиски моих друзей. Они смастерили лодку – отличную лодку, надо сказать, – и решили отправиться за мельницу, чтобы найти Морошика.

И Вьюнок поведал крапивнику всю историю.

* * *

К этому времени птицы уже пели всюю, и их рассветный хор звучал оглушительно громко. Немногим из нас доводится слышать этот чудесный хвалебный гимн солнцу, потому что мы нежیمся и храпим в кроватях, словно свиньи в хлеву, пропуская одну из самых прекрасных симфоний, которой дирижирует сама Мать-природа.

Чёрные и певчие дрозды заливались трелями и свистом, камышовки щебетали свои песенки, словно подслушали музыку вод у ручья и теперь вторили его журчанию, а две кукушки состязались друг с другом, каждая со своего куста боярышника. Они так шумели, что Вьюнку пришлось заткнуть уши. Кукушкины песни сводят с ума, если повторяются без конца. А тем временем светало, кусты боярышника становились видны всё лучше, а птичий хор звучал всё громче и громче.

В это время года, когда все птицы заняты своими домашними делами, рассвет и поздний вечер были единственным временем, которое они могли уделить пению; лишь в это время у них была возможность выразить свою любовь к этой чудесной земле и славить жизнь, этот бесценный дар Матери-природы.

Это пение в конце концов убаюкало Вьюнка, а когда он снова открыл глаза, было уже довольно светло, и солнечный свет начинал прорезать плотный туман над ручьём и окрестностями. Пока что были видны только верхушки тополей возле фермы, похожие на острокопечные монашеские капюшоны, торчавшие из белой дымки. Всё обещало прекрасный день, и Вьюнок без промедления принялся за завтрак, который он приготовил из буковых орехов, ещё одного кусочка филе окуня (съеденного на этот раз сырым) и двух пшеничных лепёшек. На закуску гном съел скворечье яйцо, найденное им вчера по дороге. Это было настоящее лакомство. Гномам редко удавалось найти свежее яйцо, ведь птицы были их друзьями, и гномы не любили разорять их гнезда, хотя, боюсь, изредка они всё же делали это, когда птицы были далеко.

Это яйцо Вьюнок нашёл среди лугового сердечника; его обронил скворец по дороге к гнезду. Скворцы – небрежные птицы, и такое с ними случалось довольно часто. Как и филе окуня, Вьюнок съел яйцо сырым, запивая ледяной водой из Причуди – такая вода была в походе лучшим напитком.

Когда гном, наконец, отправился в путь, солнце поднялось уже довольно высоко. Дорога была тяжёлой, и Вьюнок продвигался вперёд медленно: местами непроходимые заросли подступали вплотную к воде и преграждали путь, поэтому ему каждый раз приходилось обходить их и снова возвращаться к ручью. Эту дорогу он знал довольно хорошо, потому что много лет назад почти добрался до Мшистой мельницы во время рыболовной экспедиции.

К полудню Вьюнок совершенно выбился из сил, и вдобавок к этому его нога очень болела от непривычно большой нагрузки. До мельницы было ещё далеко, и гном уже начал жалеть, что отправился в это путешествие. Такими темпами он никогда не догонит своих друзей – к этому времени они, должно быть, уже ушли на много миль¹¹ вперёд. Однако по дороге Вьюнок узнал кое-что от одной водяной крысы. Она видела двух гномов в лодке ниже Мшистой мельницы. Камышница тоже ободрила гнома. Вьюнок увидел её сидящей на красивых пятнистых яйцах под нависающей ветвью. Её большое гнездо было свито из водорослей и тростника на подтопленном бревне.

– О, маленький гном, вот это сюрприз! – сказала она. – Вчера я видела двух твоих собратьев: они проплыли мимо на отличной лодке. Куда вы направляетесь? Ведь не собираетесь же вы покинуть Дубовую заводь?

---

¹¹ Британская сухопутная миля составляет 1609 метров. – Прим. ред.

– Нет-нет, – поспешно заверил её Вьюнок, – мы хотим найти Морошика, который отправился вверх по ручью и так и не вернулся.

– Что ж, желаю удачи, маленький гном. Если б я не была так привязана к гнезду, я бы отправилась с тобой, но завтра мои детки вылупятся из яиц. Посмотри, ну разве они не прелестны?

Камышница привстала и приподняла крылья. Вьюнок увидел шесть больших яиц – пятнистые, с прожилками и красивыми каштановыми пятнышками. В его голове мелькнула мысль, что одно из этих яиц стало бы изысканным кушаньем, будь оно только что отложено. Гном, как и подобает в такой ситуации, выразил своё восхищение, а затем осведомился, далеко ли до Мшистой мельницы.

– Ну, я долетаю до мельничного пруда за шесть минут. Но это через луг, – ответила камышница.

У Вьюнка упало сердце. Ему ни за что не добраться до мельницы до наступления темноты, и он присел в зарослях кипрея, чтобы перевести дух.

Должно быть, он заснул, потому что, когда Вьюнок вновь открыл глаза, уже вечерело. Он тут же увидел очень высокую, благородного вида птицу, стоявшую на отмели в излучине ручья. У неё были длинные зеленоватые ноги, серое туловище и узкая шея, похожая на змеиную. Клюв был острым, плоским у основания, а красивый хохолок шёл вниз от самой макушки.

Это был сэр Цапля, друг гномов; он часто прилетал к Дубовой заводи за гольяном. Вьюнок тут же собрал свою поклажу и поковылял вдоль берега навстречу птице, чтобы переговорить с ней. К ужасу гнома его нога так затекла и разболелась, что он едва мог двигаться.

– Доброго вам дня, сэр Цапля! Надеюсь, рыбалка сегодня была удачной? – произнёс Вьюнок, опустив свою котомку на берег рядом с болотными незабудками и утирая пот с лица.

Огромная грациозная птица склонила голову набок и внимательно посмотрела на гнома сверху вниз. Вьюнок едва доходил ей до колена.

– Так, так, уж не Вьюнок ли это? – приветливо сказал сэр Цапля. – Ты выглядишь очень утомлённым, маленький гном. Что привело тебя сюда, в такую даль? Я никогда не видел, чтобы ты уходил так далеко от Дубовой заводи.

Вьюнок рассказал сэру Цапле обо всём, а затем спросил, сколько ещё идти до Мшистой мельницы.

– Далековато для тебя, маленький гном. Тебе следовало бы остаться дома. Я не видел ни твоих братьев, ни их лодки; сегодня утром я рыбачил ниже по течению и обшарил все рыбные места и заводи. Наверное, они добрались до Вороньего леса, и я надеюсь, что там с ними не приключится ничего дурного, это опасное место... Опасное место, – повторил сэр Цапля многозначительно. – У меня гнездо на Тополином острове, в гнездовье цапель, что за этим лесом, поэтому я знаю, о чём говорю. Не вздумай отправляться туда в одиночку. Но вот что я сделаю, Вьюнок, – добавил он. – Если ты заберёшься мне на спину, я отвезу тебя к мельнице. Может, ты найдёшь там водяную крысу или ещё кого-нибудь, кто видел Меума и Тысячелиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.